

Инна Багинская

*Детектив
сильных
страстей*

Ритуал
святого Валентина

Инна Юрьевна Бачинская
Ритуал святого Валентина
Серия «Бюро случайных
находок», книга 11
Серия «Детектив сильных
страстей. Романы И. Бачинской»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65107786

Ритуал святого Валентина / Инна Бачинская: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-120547-8

Аннотация

В город после долгого отсутствия вернулся бизнесмен Виктор Бражник с молодой красавицей-женой Маргаритой. Они явились на прием в честь дня святого Валентина, женщина вышла на минутку и... бесследно исчезла. А через два дня обнаружили тело убитой Маргариты: у нее обрезаны волосы и на щеке нарисован красным фломастером знак Троицы... И это уже не первое подобное убийство! Город в ужасе, тем более жители там и тут начали встречать зловещего черного монаха. И только Олегу Монахову, называющему себя волхвом и экстрасенсом, под силу раскрыть все тайны!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	79
Глава 9	85
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Инна Бачинская

Ритуал святого Валентина

*...Но мы – в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем – два якоря – на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность, –
Над нами торжествует – Неизбежность.*

Валерий Брюсов. Неизбежность октавы

*Все действующие лица и события романа
вымышлены, любое сходство их с реальными
лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор*

Пролог

*Что наша жизнь?
Игра!
Добро и зло – одни мечты!
Что верно?
Смерть одна!
Как берег моря суеты,
Нам всем прибежище она...*

«Пиковая дама», ария Германа

Они гуляли по обычному маршруту – солидный немолодой мужчина в толстой куртке и вязаной шапочке с ушами и пес, рыжий спаниель с мотающимися ушами, – по главной аллее парка до самого конца, туда, где парковка, начало березовой рощи и осколком стекла лежит замерзшее болотце с торчащими сухими копыями осоки и камыша. Было раннее утро, восток лишь слегка розовел, и легкий туман скрывал заросли кустов; на пожухлой траве местами лежал снег. Снегири суетились в ветках рябин, выклеывая остатки ягод. Дышалось легко, воздух был сладок, весна чувствовалась в запахе талой земли, и крохотные ярко-зеленые пики крокусов уже пролезли кое-где сквозь бурые прошлогодние листья.

Пес – его звали Финик – носился в кустах; хозяин нето-

ропливо гулял по аллее, наблюдая за любимцем. Вдруг Финик замер, сделав стойку, и разразился громким лаем. Хозяин остановился, пытаясь рассмотреть, в чем дело. Он окликнул пса, тот оглянулся и, продолжая лаять, призывно замолтал хвостом. Мужчина осторожно ступил на влажную землю и пошел к собаке.

– Ну что ты так раскричался... – успел произнести он и замолчал, пораженный увиденным. На выложенной плиткой дорожке, ведущей от парковки, лежала женщина: ее неестественно запрокинутая голова, разбросанные руки и подогнутые в коленях ноги в длинных черных сапогах не оставляли сомнения, что она мертва. На ней было надето черное короткое пальто, а вокруг шеи в несколько слоев намотан красный, в золотых цветах, шарф, почти закрывающий лицо. Контраст между пожухлой травой, пятнами тусклого снега и яркой кукольно неподвижной фигурой женщины являл собой пугающий диссонанс.

Пес перестал лаять и, подняв морду, смотрел на хозяина, словно спрашивал: «И что нам теперь делать?»

– Финик, отойди! – приказал мужчина и полез в карман за мобильным телефоном...

* * *

...Он позвонил, и дверь тотчас распахнулась, словно его ждали. Мужчина шагнул в прихожую, обнял, стиснул, зарыл

лицо в ее волосы, выдохнул:

– Я чуть с ума не сошел! Девочка моя родная...

– Я думала, ты уже не придешь!

– Я не мог, поверь, были обстоятельства... Теперь все будет по-другому. Как я скучал! Постоянно думал о тебе, вспоминал...

– Я тоже!

Она смотрела на мужчину сияющими глазами.

– Это тебе! – Он протянул ей розы. – Помню, ты любишь... Я все помню! Ты плачешь? Глупая, не нужно! А то я тоже расплачусь...

Они целовались, стоя в полутемной прихожей, забыв обо всем на свете...

* * *

...Она набрала код, с трудом открыла тяжелую металлическую дверь и вошла. В подъезде было сумрачно и пахло пылью. Слабо светила лампочка на стене – отчетливо виднелись красные раскаленные проволочки внутри. Она вдруг поняла, что сзади кто-то есть. Человек вошел бесшумно – он придержал дверь, и она ощутила только легкий сквознячок – ни шороха, ни звука шагов. Она хотела оглянуться, но не успела – почувствовала резкую боль в горле и стала задыхаться...

Глава 1

О наших героях

*Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой...*
А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. 2

Алексей Генрихович Добродеев, он же Лео Глюк, известный, даже можно сказать, культовый репортер бульварного издания «Вечерняя лошадь», личность в городе известная. Все знают господина Добродеева, и он, в свою очередь, знает всех персонажей, мало-мальски представляющих собой хоть что-то на местном горизонте: в политике, в бизнесе, в мире театра и искусств, а также эзотерики. Лео Глюк – один из псевдонимов журналиста, не побоимся заявить, самый известный в кругах уфологов, любителей барабашек и полтергейста, а также кладоискателей и исследователей трехъярусных пещер под старинным Елецким монастырем. Он собирает фольклор, выискивая бабушек-старушек, которые *помнят и знают то*, что остальные давно забыли; делает доклады на семинарах соперничающих эзотерических обществ «Руна» и «Перун», собирает монеты и марки, принимает участие в археологических раскопках с последующим красочным отчетом о ценных находках и уже несколько лет пи-

шет исторический роман-фэнтези «Битвы небесных богов». Он бы давно его закончил, если бы не текучка, которая заедает. А еще непоседливость, любопытство и готовность сию минуту бросить все и бежать смотреть, как размыло ливнем фундамент старинной церкви, а там таинственные пустоты со спрятанным кладом; на встречу с заезжей знаменитостью: настоящим индийским йогом, целителем, медиумом, спиритом, или гипнотизером, или еще куда-нибудь.

Друг и соратник Лео, Олег Христофорович Монахов – среди своих Монах, – утверждает, что Лео похож на громко кукарекающего петуха, хлопающего крыльями и топающего ногами со шпорами, что даже странно при его габаритах и весе. Сам же Олег Христофорович немногословен, спокоен как удав, по его собственным словам, созерцателен, человек дела и вообще бизнесмен – совладелец фабрички «Зеленый лист», которая варит пищевые добавки, всякие зелья и настойки, производит чай и натуральные косметические продукты для дам. Так что в каком-то смысле они друг друга дополняют. Лео хлопает крыльями и всегда готов взлететь, Монаха же сдвинуть с места – неподъемный труд: полный скепсиса, он сначала подробно расспросит, будет долго думать, наконец, сообразит и наметит план действий, а уже потом начнет действовать... возможно.

Насчет долго думать – это его любимое занятие. Лежать на большом диване, смотреть в потолок, считать трещины, чувствовать на лице луч солнца и ласковый сквознячок, если

лето, и холодные снежинки, залетающие в открытую дверь балкона, если зима, так как дверь и окна в его доме никогда не закрываются. Это делает его ближе к природе, от которой пару лет назад его самым грубым и насильственным образом оторвали.

Эх! Были и мы рысаками, как говорится. А все дело в том, что полтора года назад Монах попал под машину, причем на переходе и зеленый свет горел. В итоге сломанная нога, длительный постельный режим, и прощай, ежегодные побегι в пампасы, как называет это Леша Добродеев. С неподъемным рюкзаком, по лесам и горам, в Индию, на Алтай или в Непал. Ночевки у костра под развесистой пихтой или кедром или в скромных лоджиях при буддийских монастырях, спетая интернациональная компания таких же бородатых громогласных бродяг-глоубтроттеров, байки до рассвета под некрепкий непальский самогон *тонба* или пиво *чанг*. Романтика! И где теперь это все? Ночевки у быстрой речки, костерок, булькающая в котелке уха из самолично выловленной рыбы... И тишина: слышно, как потрескивают и шуршат звезды, такие яркие, что больно глазам! И ни телефона, ни Интернета, ни соседей, грызущихся за стеной... Ничего! Ты и природа. Нет, ты как часть природы. Великан-природа и маленький ты.

Увы, все в прошлом. Есть от чего впасть в хандру. Уж как ни старается друг Добродеев развеселить Монаха городскими сплетнями и слухами, как ни заверяет, что вот на следующий год обязательно в пампасы, подальше от цивилиза-

ции, под развесистый кедр и костерок с булькающим казанком – все без толку, и погружается он в депрессию все глубже. Добродеев даже подарил ему красивую трость с головой собаки и постоянно вытаскивает в люди: то на вернисаж, то в театр, то на праздник города, то на новую программу в ночной клуб «Белая сова»... Ничего не помогает. Разве что... Автор, кажется, еще не упоминал, что Лео Глюк ведет в своей «Лошади» городские криминальные хроники? Куда ж без него! Лео Глюк наше всё. Он первым узнает про всякие преступления, так как у него везде все схвачено и свои люди в высших структурах. Узнав что-нибудь, он тут же несется к Монаху и вводит его в курс происходящего. Тот открывает глаза и сползает с дивана...

Спрашивается, с какого перепугу? Каким боком криминальные хроники к Монаху? А таким. Монах – мыслитель и аналитик, как мы уже знаем. Почти доктор физико-математических наук и психолог, а еще путешественник и человек с громадным житейским опытом, способный найти общий язык с кем угодно – с самым распоследним нытиком, мизантропом и людоедом. А больше всего ему нравится решать всякие заковыристые житейские и исторические загадки, особенно криминальные. Однажды, было дело, он даже открыл личный сайт под названием «*Бюро случайных находок. Вопросы и ответы*», где предлагал себя как человека бывалого и опытного, психолога и путешественника... Впрочем, судите сами. Помещаем текст целиком, стиль и грамма-

тику автора сохраняем:

«Здравствуйте, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пёструю жизнь я встречался с разными людьми, попадал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе. Запомните, нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что всё! Тупик, конец, безнадега! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придётся решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

Оптимистично, ничего не скажешь. И тут же фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубашке на выпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди и прищурясь, смотрит на зрителя. И что вы думаете? Он действительно сумел помочь двум-трем страдальцам, бросившимся к нему в поисках решений.

Одним словом, гуманист, демократ и либерал, готовый прийти на помощь ближнему. Прямо плакат. А на самом деле? Мы же понимаем, что реклама и товарный вид одно, а на самом деле черт его знает, и ухо надо держать востро. На самом деле Монах, как ни прискорбно это заявлять, чело-

век аморальный в принципе. Это не значит, что он может убить, упаси бог, вырвать кусок у голодного или ему доставляет удовольствие обманывать окружающих и делать им гадости. Ни капли! У него по жизни другие задачи и интересы. Но случись так, что для пользы дела нужно украсть или соврать, он сделает это, не задумываясь и не испытывая ни малейших угрызений совести. Но, в свою очередь, если бы его обокрали или обманули, он не стал бы особенно возмущаться, только и сказав: «Видать, ему нужнее!» Это говорит о философском подходе к жизни. Он осознает себя как бы над моралью – химера совести его особенно не обременяет. А почему? Потому что он волхв! В смысле, видит себя таковым. Проникает внутрь, видит насквозь, читает мысли, погружает в транс и вытаскивает наружу всякие тайные и скрытые помыслы, мешающие человеку спать. Одно время он практиковал как психолог и хилер, и народ тянулся к нему, а потом все бросил и сбежал в тайгу. Он всегда сбегает: с работы, от студентов, от приятелей и жен, которых у него было целых три...

Но справедливости ради нужно заметить, что при случае Монах поделится последним куском или снимет с себя последнюю рубашку. Он испытывает к жизни и людям любопытство, нетерпеливое желание знать, что будет завтра и что происходит в других местах. Отсюда проистекает его любовь к перемене мест. Еще одна его особенность: он абсолютно уверен, что человек не заканчивается с земной жизнью, а су-

существует и после смерти, только в другом формате. Он сомневается, правда, что память отдельно взятого индивидуума сохранится, но мысль, что рано или поздно он узнает это наверняка, постоянно присутствует на заднем плане его размышлений. Существует порядок вещей, считает он, и всё на свете ему подчиняется. Кто мы, чтобы пытаться влезть и понять его суть до поры до времени? Поэтому живите сколько положено, не дергайтесь, не лезьте, куда не просят, и рано или поздно узнаете все сами. Терпение, господа! Это отличает его от Леши Добродеева, который, хлопая крыльями, лезет, куда не зовут, в поисках пришельцев, параллельного мира и призрака монаха в пещерах Ильинской церкви. Тем более обидно, что козел с купленными правами наехал на неторопливого и спокойного Монаха, а не на мельтешащего руками и ногами Лео Глюка.

Через какое-то время Монах остыл к сайту и уже с полгода туда не заглядывает. Зато на пару с Лео Глюком после одного удачно раскрученного дела они основали Клуб толстых и красивых любителей пива со штаб-квартирой в известном в городе культовом баре «Тутси»¹.

С присущей ему замечательной скромностью Монах говорит о себе: «Я не Господь Бог и не ясновидящий, я всего-навсего скромный бродячий волхв с детективными способностями...»

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Маятник судьбы».

В данный момент Монах и Лео в черных костюмах, с бабочками присутствуют на рауте в честь Дня святого Валентина в «Английском клубе» – самом крутом ресторане города. Монах недоволен, жмет правый башмак, ему скучно, он вполуха слушает восторженные словоизвержения Лео насчет присутствующих. Лео тот еще сноб! Любит тереться среди сильных мира. Монаху же плевать. Он никого здесь не знает, Лео вытащил его силой, пообещав, что на таком крутом сходняке непременно должно случиться что-то из ряда вон. Он чувствует это нутром и фибрами: из достоверных источников известно, что будут заклятые конкуренты и драка неизбежна. Или хотя бы скандалец. Нельзя все время сидеть дома, пенял Лео Монаху, ты теряешь социальные навыки, превращаешься в анахорета, мизантропа, человеконенавистника, начинаешь бояться людей, ты... ты... ты! Одним словом, сию минуту вставай и марш в ванную! Я принес тебе бабочку, у них строгий дресс-код.

Ха! Можно подумать, что Монах так сразу вскочит и побежит принимать душ и чистить зубы! Или что его привлечет какой-то жалкий скандал в благородном обществе! Как бы не так – он даже глаз не открыл. Но хитрый Лео знает, на какие кнопки нажать и чем соблазнить. Там фантастическая кухня, говорит он как бы между прочим. Семга под белым соусом, баранина, тушенная в красном вине, а свинина! А вина! А десерты! Лео чмокал губами и закатывал глаза. Входной билет стоит баснословных денег, прорвутся толь-

ко самые-самые, посмотришь на наш бомонд, причем задаром. Знаешь, чего мне стоило хапнуть два пригласительных? Обещал им серию статей и отчет с картинками. Это их первый опыт с Валентином. И вообще, чего-то кушать хочется... Для достоверности он погладил себя по обширному животу.

В итоге Монах встал с дивана, стащил с себя безразмерную футболку, умылся и достал из шкафа свежую рубашку...

Глава 2

Гуляй, элита!

*Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица – свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся...*

А. И. Одоевский. Бал

Лео Глюк с увлечением сплетничал, Монах слушал вполуха. Он никого на этом празднике жизни не знал, и ему было абсолютно все равно, кто с кем замутил, кто кому кинул подянку и вырвал из-под носа удачную сделку. Он с удовольствием кушал. Лео оказался прав: кухня в «Английском клубе» на высшем уровне, а винный погреб вообще запредельный. Фуршет, правда, он не одобрял: ему не нравилось шляться с тарелочкой и бокалом по залу, натываясь на таких же беспривязных, да еще и с палкой под мышкой. Правда, по периметру стояли столы со стульями, и кто успел, тот прочно сидел. Лео успел, и Монах воспользовался плодами его расторопности. Он сидел, а Лео фланировал по залу, нагружал тарелки и возвращался к Монаху с новой потрясающей историей.

Правда, некоторых из присутствующих даже он не знал. Монах обратил внимание на женщину в длинном красном платье с невидным мужчиной. У нее прекрасные каштановые волосы, открытые плечи, прямая спина, движения танцовщицы. А он... никакой, но орлиный взгляд, уверенные манеры, высокомерно запрокинутая голова. Они были обособлены, вокруг них словно сама собой закручивалась пустота. Вездесущий Лео не знал, кто это, заинтересовался и побежал выяснять. К Монаху тем временем подсел фотограф Иван Денисенко с камерой, который подрядился отщелкать прием в обмен на пригласительный.

– Смотри, какая фемина, – сказал Иван. – А мужик слабоват. Кто такие, не в курсе?

– Лео побежал на разведку, – сказал Монах. – Сейчас вернется и доложит.

К ним подошел режиссер Молодежного театра Виталий Вербицкий в смокинге, с которым Монах был уже знаком, так как пару лет назад расследовал дело о возгорании прямо на сцене актера, игравшего Макбета². Иван встретил его радостным ревом и обнял. Режиссер высвободился из объятий и обменялся рукопожатием с Монахом.

– Господин Монахов! – вскричал он радостно. – Сколько лет, сколько зим, как говорится! Спрашивал о вас неоднократно. Добродеев говорит, вы человек совершенно не публичный, медитируете и пишете мемуары. Мне с автографом!

² Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Тринадцать ведьм».

Никогда не забуду той страшной истории...

– Мемуары? – Монах махнул рукой: – Ерунда! А вот вы – любимец народа, как же, как же, слезу за репертуаром. – Это было бессовестное вранье: театр Монаха не интересовал вовсе. – Леша Добродеев все уши прожужжал: новые идеи, новые веяния, гений сцены...

Добродеев, правда, выражался иначе: анфан террибль, бабник, бузотер, враль и скандалист. Вербицкий был хорош собой – с прекрасной статью, длинной белокурой косой, красиво свисающей между лопаток, во фраке; на безымянном пальце левой руки сверкал красивый серебряный перстень – голова дьявола с красными глазами. Понты, конечно, но впечатляет.

– Леша скажет, – вроде бы смутился режиссер. – О вас он тоже много чего говорит, о вашем детективном гении, о случаях, которые вы вместе расследовали, о том, что видите человека насквозь... Насколько помню, вы экстрасенс?

– Громко сказано, – скромно ответил Монах. – Так, развлекаюсь помаленьку от нечего делать. А вы здесь по службе или как гость?

– Э-э-э... по службе? – удивился режиссер.

– Я имел в виду, участвуете в программе...

– Ой, да какая у них программа! – рассмеялся Вербицкий. – Шалман! Цыгане с медведем.

– С настоящим медведем? – не поверил Иван Денисенко, хватаясь за камеру.

– Фигурально выражаясь, – туманно объяснил режиссер. – Фигня. Вот мы готовим бомбу! Весь город поставим на уши.

– Что-нибудь... этакое? – Иван пошевелил пальцами. – Из какой области? Опять Древний Рим? Порно?

– Мы же не драма! Там, что ни поставят, получается порно. Терпение, господа, имейте терпение. В час zero увидите все своими глазами. А пока молчок! – Он приложил палец к губам и спросил после паузы: – А что, ожидается убийство? Кто, так сказать, жертва?

– Убийство? – удивился Иван Денисенко. – В каком смысле?

– В прямом! Леша сказал, если господин Монахов выходит на люди, непременно случается убийство. К бабке не ходи – давно замечено. Он просто притягивает...

– Наоборот, – сказал Монах, обещая себе серьезно поговорить с Добродеевым. – В другом порядке, господа. Я почему-то совершенно случайно оказываюсь именно в центре преступления. В ваш театр тогда попал совершенно случайно, Добродеев вытащил, помните? И сейчас опять... – Монах многозначительно умолк.

– Господи, конечно помню! Страшная трагедия! – вскричал Вербицкий. – До сих пор мороз по коже. Театр в театре! Если бы не вы... Думаете, сегодня произойдет убийство?

Вербицкий и Иван Денисенко выжидательно уставились на него.

– Мое внутреннее чувство пока молчит, – сказал Монах. –

Надо спросить у Леши, – добавил он мстительно. – Его внутреннее чувство развито сильнее.

– Кто такая, не знаете? – спросил режиссер, кивнув на женщину в центре зала. – Вон та, в красном платье!

– Добродеев побежал узнавать, – сказал Иван Денисенко. – Сейчас вернется. Ты один?

– Я всегда один, – высокомерно заявил режиссер. – Творец должен быть свободен.

– Поддерживаю! – с энтузиазмом согласился Иван. – Я тоже один. И Олежка... – Он кивнул на Монаха. – Творчество и женщины несовместимы. А в любовь, наоборот, верю и предлагаю выпить. За любовь! – Он поднял бокал.

Они выпили, потом еще и еще, а Добродеева все не было. Они наблюдали за его передвижениями по залу, объятиями и поцелуями.

– Пусти козла в огород, – заметил Иван Денисенко. – Завтра выдаст кучу сплетен в своем бульварном листке. Лично я боюсь подойти к нему даже на пушечный выстрел. Мне из-за него чуть морду не побили, и за фотки как-то не заплатил, жучила. А женщина хороша! Заметили, как он финтит и глазки блестят? Подбирается к ним поближе, бойскаут! – Пару минут они наблюдали за финтами журналиста. Потом Иван сказал: – Схожу за провиантом. Кому что?

Добродеев наконец вернулся, начал сердечно обниматься с Иваном Денисенко и Вербицким.

– Ну? – напомнил о себе Монах. – Узнал?

– Узнал. Капиталист, Бражник Виктор Олегович, говорят, ставит у нас завод по сборке «Мерседесов», в городе все-го-навсего несколько месяцев, все было шито-крыто, только неделю назад вылезло. Нигде не светится, с утра до вечера вкальвает. Покупает землю за Еловицей. Совершенно непубличная фигура. А супруга сидит дома. Зовут Маргарита. Потрясающе интересная женщина. Собираюсь написать о нем, выбью интервью. Для нашего города это знаковое событие! – Все это Добродеев выпалил на одном дыхании и замолчал, хватая ртом воздух и напоминая карпа, вытасченного из воды. На потный лоб свисали влажные прядки.

– За любовь! – снова провозгласил Иван Денисенко. – Между прочим, я сфоткал, как ты там к ним принимаешься. И вообще всю ораву.

– Я тоже, – сказал Добродеев.

– На телефон? – заржал фотограф.

– Ну... Поделишься?

– А фиг тебе! – с удовольствием сказал Иван Денисенко. – Ты мне еще за прошлые должен!

– Какой ты все-таки меркантильный! – осуждающе сказал Добродеев. – Не ожидал. За святого Валентина!

Они опять выпили. Монах под столом сбросил жмущую туфлю, и на его глазах выступили слезы. У него даже борода зачесалась от облегчения, и он с удовольствием поскребся. В общем, все неплохо складывалось, он уже не жалел, что поддался на уговоры и сполз с дивана. Правда, до обещан-

ной драки пока не дошло, но все равно было интересно наблюдать за местной элитой, нарядами дам, важными самцами... даже за снующими вокруг официантами с подносами с шампанским и вкуснейшими закусками. А ведь еще предстояло горячее! А потом десерты! Нет, что ни говорите, есть в жизни человека прекрасные моменты.

Разморенный, он слегка задремал под пререкания Добродеева и Ивана Денисенко – режиссера уже не было с ними. Разбудил Монаха невнятный шум. Он привстал и увидел, что в центре зала собралась толпа и капиталист Бражник резко выговаривает служителю, а тот оправдывается и пожимает плечами. Никак муха в салате попала, подумал Монах. Ухмыляясь, он наблюдал, как сделавший стойку Добродеев уже протискивается через толпу поближе к разгоряченным участникам сцены. Вот вам и эпицентр!

Журналист вернулся через несколько минут, упал на стул и выпалил:

– Маргарита пропала!

– В смысле? – вытаращился на него Иван Денисенко. – Что это значит? Как она могла пропасть? Может, в туалете?

– Бражник везде проверил, говорит, нигде ее нет! Уже полчаса. Он отошел на минутку – она попросила принести шампанское, – вернулся, а она исчезла. Он потребовал менеджера, взял за горло, а тот ни сном ни духом, даже не врубился, говорит, может вышла, сейчас вернется, у нас, говорит, никто никогда не пропадал, вы что, думаете, киднеппинг?

Сейчас не девяностые! – Добродеева несло, у него даже щеки тряслись от возбуждения.

– Считай, Лео, повезло тебе, – сказал Иван Денисенко. – Пойду щелкну бедолагу. Не уследил. А дамочка хороша, выбрала момент наставить лосю рога! – Он хихикнул.

– Рога? Ты думаешь, она... что? – Добродеев уставился на фотографа.

– Она ничего! Сбежала твоя Маргарита! Тю-тю! Только и всего. А ты думал, ее умыкнули? Посреди толпы? Сунули кляп, закатали в ковер и вынесли! Так что, пока не нашлась, давай, строчи свои криминальные хроники. Не забудь про выкуп.

– А что охрана? – спросил Монах. – Тут везде видеокамеры.

– Бражник требует вызвать полицию, – сказал Добродеев. – Менеджер за голову хватается. Народ гулять хочет за свои бабки, а этот орет: «Караул! Полиция!» Если бы ее убили, тогда да! Пусть даже попытались или в крайнем случае отравилась. Кто сейчас будет проверять видеокамеры? Мало ли куда она делась... Может, покурить вышла и заблудилась. Тут три этажа и несколько залов. Менеджер послал секьюрити поискать и утащил Бражника к себе, чтобы не отсвечивал и не портил людям праздник.

Между тем ажиотаж улегся, общественность пришла к выводу, что нечего гнать волну, подумаешь, ушла и ушла, – и переключилась на роскошь общения и обильную еду. И

праздник продолжился. Каждый умирает в одиночку, как сказал один писатель, и никому не нужно чужое горе.

Глава 3

Знаки, символы и тайны...

*Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне...*

А. Блок. Разгораются тайные знаки...

Они хорошо посидели вчера в «Английском клубе» и общались с интересными людьми. Обещанной Добродеевым драки, правда, не случилось, но все-таки скандалец имел место быть. Странный, конечно, – не знаешь, смеяться или плакать. Исчезла жена бизнесмена: вот только что была здесь, а через минуту исчезла. Он вернулся с шампанским – она попросила, – а ее нет. По сути, избавилась от него, отослала под благовидным предлогом, а сама исчезла. Иван Денисенко сразу поставил диагноз: сбежала! Он человек опытный, был женат не то три, не то четыре раза. Да и видеокамеры вокруг, все как на ладони – мышь не проскочит. Куда, с кем, когда... все вычислят, кому надо. Найдут, никуда не денется. Вернется, помирятся, он ее простит, и снова любовь. Тем более супруг... Как его, Бражник, кажется? Господин Бражник мужчина очень средних, скажем так, физических данных, а

красивым женщинам дозволено многое. Маргарита. Марго. Монах ностальгически вздохнул, вспомнив, как был однажды влюблен в девушку по имени Марго. Молодой неопытный романтик-идеалист...

Маргарита в переводе с греческого – «жемчужина», а не цветок маргаритка, как он когда-то думал. Из свиты Афродиты. Умна, высокомерна, упряма. Знает себе цену и умеет ждать. Или выжидать. Вышла замуж за дипломата и укатила за границу. И ведь некрасивая была! А вот поди ж ты... Эх!

Но женщина не вернулась. Об этом Монаху сообщил Добродеев, забежавший вечером на огонек. То есть он сначала именно так его и понял, хотя говорил журналист о другой женщине, как оказалось. Монах спал на диване, накрывшись пледом, свет в квартире не горел, балконная дверь была открыта, и холод стоял собачий. Заспанный, босой, со сбившейся набок бородой, он открыл дверь, и журналист с ходу закричал:

– Христофорыч, спишь? Так весь день на диване и провалялся? А тут такое делается! Весь город на ушах!

– Орать-то зачем? – недовольно пробурчал Монах. – Аж в ушах звенит! Случилось чего?

– Случилось! В центральном парке нашли мертвую женщину!

– Вчерашнюю? – оживился Монах. – Оперативно. Как ее... Маргарита?

– Другую! Нашла собака. Рано утром гуляла с хозяином

и нашла.

– Что значит, «другую»? А что вчерашняя? Вернулась к супругу?

– Не знаю. Пока тихо, наверное, вернулась. А это другая, при ней ни сумочки, ни телефона. О пропаже никто не заявлял. Я принес пива и мяса, домой неохота, дай, думаю, заскочу. Будешь?

– Давай, а я пойду умоюсь. – Оживившийся Монах побегал в ванную, волоча за собой плед, а Добродеев сбросил дубленку и отправился в кухню накрывать на стол.

– Ну? – потребовал Монах, уставясь на Добродеева. Был он умыт, с причесанной бородой и аккуратно возделанным пучком волос на затылке. – Кого нашли? Где? Давай в деталях.

– Твое здоровье! – Добродеев поднял кружку с пивом. – Ну и денек! Кто она – неизвестно, нашла ее собака, спаниель по имени Финик. Я говорил с хозяином – пенсионер, живет неподалеку. Иван Никитович зовут. Семь утра было, еще холодно и туман. Песик славный, очень приветливый. Начал лаять, он подошел и увидел женщину. Говорит, глазам своим не поверил, едва на ногах удержался. Хочешь фотки? – Добродеев потянулся за папкой. – Мой инсайд подогнал, – похвастался он.

– У тебя есть фотки? Так чего же ты молчишь! – Монах выхватил цветные снимки и стал рассматривать.

Добродеев наблюдал и комментировал:

– Видишь шарф в золотых цветах? Закрывает след на шее и лицо. Она была задушена чем-то вроде шарфа. Молодая, лет тридцати. Золотые сережки, золотая цепочка с подвеской, кольца – все на ней, убийца ничего не взял. Она была убита примерно за двенадцать часов до того, как ее нашли, в семь вечера накануне, плюс-минус пару часов. А потом ее привезли в парк, ночью скорее всего. То есть тело передвигали, убийство произошло в другом месте. Если ты спросишь меня, почему именно в той части парка, то я отвечу – потому что...

– Там рядом парковка! – перебил Монах. – Он остановился, вытащил ее из машины и понес к пруду, но передумал и положил на дорожку в пятнадцать метрах от парковки. Знаю я это место, до болотца там около ста метров. Золото не тронул, а сумочку с документами и телефоном унес. Возможно, утопил в пруду. Что у них уже есть?

– Почти ничего, – разочарованно сказал Добродеев. – Собираются показать в новостях, может, ее узнают. Ждут, что родные начнут искать, заявят об исчезновении. Всего сутки прошли.

– А это что? – спросил Монах. – На щеке. Родимое пятно? Есть ракурс? Что это, тату?

– Это не родимое пятно и не тату, а какой-то знак. Нанесен красной тушью или фломастером, ночью был дождь, и он стерся. Трудно разобрать. Вроде цветочек... Королевская

лилия!

– Это не цветок. – Монах достал из ящика буфета лупу. – Похоже на... – Он запнулся. – Это узел Троицы! Точно! Трикветр.

– Что? В смысле? Какой Троицы? Настоящей Троицы, религиозной? При чем тут Троица? Убийца сектант?

– Ни при чем, просто название. Треугольник. Известен несколько тысяч лет, найден в кельтских рунах, у славян, в ближневосточных цивилизациях. Известен чуть ли не с бронзового века. Помню, интересовался эзотерикой по молодости. Набери-ка в инете!

– Ну да, ну да, ты же у нас волхв, – пробормотал Добродеев, доставая айфон. – Говоришь, узел Троицы? Нашел! Так, так... Значение неизвестно, возможно, просто орнамент... – зачастил он. – Ученые спорят о сакральном смысле. – Он оторвался от чтения и фыркнул: – Ха, кто бы сомневался, они всегда спорят, все правы, доказать ничего невозможно. Диссертации, гранты, оплевывание соперников, научные диспуты. Все в кучу, бесконечность, возрождение, фазы движения солнца и луны, три возраста человека, Вселенная... Кто больше! Викинги считали его знаком Одина, славяне – оберегом и защитой семейного очага. Тут еще много всего. Между прочим, похож на листок клевера. Точно! То есть или клеймо, или магия, или оберег. Или даже символ плодородия. Одним словом, защита от темных сил. Тут полно картинок с этим... треугольником. Все разные, один лучше друго-

го... – Некоторое время он молча рассматривал знаки, а потом сказал: – Красивый, сбалансированный, устойчивый...

– Как и число «три», – заметил Монах.

– Христиане стали использовать его как символ Троицы.

В нем чувствуется какая-то тайна...

– Тайна, ага, а еще сакральность, астральность и потусторонность. Как это ты прошел мимо? Ты же у нас спец по тарелкам и эзотерике.

– Мне странен твой скепсис, ты же волхв!

– Сейчас его используют все кому не лень, полно логотипов, полно вариаций.

– И что бы это значило? – спросил Добродеев, откладывая айфон. – Какой смысл?

– Что угодно. Каждый индивид может подогнать под него свое видение и свой смысл. Бог, дьявол, оберег, возрождение, кара или карма... Никакой конкретики, никакого общего смысла. Ни-че-го.

– Или всё.

Монах пожал плечами:

– Или всё. Как он нанес его? Чем?

– Наверное, фломастером. Или маркером. Зачем? Какой-то фанатизм чувствуется... Маньяк?

– Зачем? – задумался Монах. – Трудно сказать. Убитая женщина – факт, узел Троицы – факт. Остальное домыслы и растекание мысию... Или мыслию. – Он замолчал и снова принялся рассматривать фотографии. – Что у нее с волоса-

ми? – спросил вдруг.

– Заметил? Он обрезал ей волосы. Неровно, будто спешил...

– Не думаю, что спешил. Он хотел ее унижить. Волосы – символ духовности, силы и статуса во многих культурах. А в других, наоборот, символ дьявола, и их сбрасывали. Жрецы, например, были с бритыми головами. Ведьмам брили головы, чтобы лишить их силы...

– Ведьмам?

– Ведьмам. И... некоторым другим. Перед казнью.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Ни фиги себе, – сказал Добродеев. – Это как понять? Знаки, волосы... Между прочим, ведьмы рыжие, а эта темноволосая. И что это, по-твоему? Культ? Сатанисты? У нас в городе? Если это кара за что-то, то...

– Кара в понимании убийцы, – подхватил Монах. – Мало ли что он себе напридумывал. Я, конечно, не господь Бог, но у меня нехорошее предчувствие, что она не последняя жертва. Возможно, первая, но не последняя. Премьера, так сказать. Такое затевают с дальним прицелом, это не одно-разовый спектакль. Он будет совершенствоваться, придумать новые штрихи, упиваться своей ролью и аплодисментами. Он художник, ему мало просто убить. У него есть цель, и он пойдет до конца. Хотя... – Монах задумался, почесал бороду и задумчиво посмотрел в потолок.

– Хотя? – повторил Добродеев, рассматривая его во все

глаза и ожидая откровения.

– Странный тип, странное действие, – туманно ответил Монах. – Не пляшет...

– Что не пляшет? В каком смысле?

– Мысли вслух, Лео, не суть. Всё домыслы, декорации... Даже то, что он не тронул золото... Как-то слишком, тебе не кажется? Просто мордой тебя тычет...

– Мордой тычет? – с недоумением произнес Добродеев. – В каком смысле? Куда?

– Хотя, с другой стороны, ритуал должен впечатлять, – продолжал Монах. – Это тебе не логика. Он должен напугать и запомниться именно алогичностью. В каком смысле? Черт его знает, в каком. В каждом действии суть подводные течения. Посмотрим. Кто ведет дело?

– Майор Мельник.

– Наш майор? Везуха! – обрадовался Монах. – Завтра же напросишься на беседу под видом озабоченной общественности, устроишь провокацию и выразишь нюансы. Будь кроток и мудр, прикинься шлангом, выдвинь пару идиотских версий, похлопай глазками... Ну, ты сам знаешь.

– Думаешь, клюнет?

– Не сомневайся, Лео. Они в тупике, к бабке не ходи. Тут дело тонкое, это тебе не пьяная бытовуха, они ни уха ни рыла не отбивают. Он сообщит кое-какие детали – якобы случайно проговорился, – погрозит пальчиком и предупредит, чтобы не лезли и не путались под ногами, а то имейте в ви-

ду! – Монах ухмыльнулся и потянулся за стаканом. – Словом, скучно и предсказуемо, девушки. Разыграет привычный спектакль. Мы их единственная надежда, Лео, и он это прекрасно понимает. Но профессиональный и корпоративный гонор зашкаливает, а потому, караул, не путайтесь под ногами, а то санкции, а сами только и мечтают... – Он помолчал, сказал после паузы: – Чего-то давненько мы им фитиля не вставляли. Посему считаю заседание Детективного клуба умных и толстых любителей пива открытым. *Ad rem*, Лео.

– С чего начнем? – деловито спросил Добродеев.

– Есть у меня некая мыслишка... Проклянулась по ходу, так сказать, – сказал Монах. – А если пощупать наших эзотериков? Клуб «Руна», помнишь? Где президентом странный малый, внучок нашей Саломеи Филипповны... А вдруг бинго? Как его? – Он пошевелил пальцами. – Никитка! Вдруг они знают про узел... Да и сама Саломея, может, подскажет чего. Надо бы смотаться к ней в Ладанку. Дорогу помнишь?

– Помню. Ты прав, с ней поговорить не помешает, – загорелся Добродеев. – Она же ведьма! С утречка выловлю Мельника, и сразу рванем.

Монах кивнул...

Глава 4

Визит к ведьме.

Странный разговор

*...Раздула свой очаг,
Смугла и остроскула,
С лихим клеймом раздула
И с пламенем в очах.*

П. Антокольский. Гадалка

Ведьма, ведьма... Ну какая, к черту, ведьма! Саломея Филипповна не ведьма, не надо преувеличивать и повторять до-сужие сплетни. Саломея Филипповна по профессии ветеринар и травница, разбирается в растениях, грибах и ягодах и видит всякого человека насквозь. Тем более глаза у нее черные и пронзительные, взгляд оценивающий, голос громкий, а внешность... Представьте себе крупную женщину в длинной темной одежде, с распущенными по спине черно-седыми волосами, уставившуюся на вас в упор. Представили? Пожились и сглотнули невольно? И мурашки по спине? Правильно, так и надо. Добавьте сюда тяжелую походку, размашистые движения, ироническую усмешку на грубоватом лице, не лишенном известной привлекательности, – и Саломея Филипповна перед вами как живая. В ее фигуре чувствует-

ся такая значительность и сила, что ей невольно уступают дорогу, когда, подметая улицу длинными юбками, она целеустремленно шагает куда-то по делу – к заболевшей корове или к человеку. Да, да, людей она тоже лечит, потому что человек та же скотина, извините за выражение. Принимая во внимание все вышесказанное, взвесив и поразмыслив хорошенько... Ладно, наверное, все-таки немножко ведьма.

Монах и Добродеев давно знакомы с ней, даже дружат. Монах вообще питает к ней слабость, уж очень колоритная фигура. Умная, рассудительная, видит тебя насквозь. А какие у нее настойки на травах и меду! Говорит немного, резонно, каждое слово на вес золота. Философ! Поговорить с ней – все равно что окунуться в животворящий источник. И задатки ясновидения в наличии: может предсказать будущее, правда, не всегда понятно, что именно она предсказала. Но дуновение в затылке и ощущение вставших дыбом волос имеют место быть.

Добродеев с самого утра взялся за отлов майора Мельника, и преуспел. Майор согласился встретиться на их обычной явке – у памятника Пушкину напротив его места работы. Добродеев, сгорая от нетерпения, прилетел за десять минут до назначенного срока на тот случай, если майор вдруг придет чуть раньше, прекрасно понимая, что не придет: майор сказал в десять ноль-ноль, значит, в десять ноль-ноль. У Мельника обостренное восприятие времени, каждая минута и даже секунда на счету. Кофе он пьет три минуты с четвер-

тью, перекусывает в столовке одиннадцать минут, это слегка, а если обед, скажем, то тянет на все пятнадцать. Все знают, восхищаются и слегка завидуют, хотя не упускают возможности позубоскалить – за спиной, потому что при виде майора, здоровенного детины с пудовыми кулаками, пропадает всякое желание острить. Майор Мельник и Добродеев давно дружат и взаимовыгодно кооперируются по мере возможностей. Майор подкидывает дозволенные к разглашению, так сказать, детали криминальных расследований, а журналист – городские сплетни.

Встреча произошла согласно протоколу у памятника в десять ноль-ноль.

– У тебя четыре с половиной минуты, – сказал майор Мельник. – Выкладывай.

– Что по женщине из парка? – выпалил Добродеев. – Личность установлена? Это секта? Маньяк? Что уже известно? Майор Мельник нахмурился...

... – Понимаешь, Христофорыч, у них ничего еще нет! Ни-че-го! – эмоционально выкрикивал Добродеев, отчитываясь перед Монахом. – Ни имени жертвы, ни версий! Он дал понять, что они действуют: изучили шины на стоянке, прочесали территорию парка, обыскали с водолазами пруд, опрашивают жителей близлежащих домов. Еще пригласили историка из музея, спросили насчет знака. Майор интересовался, что говорят в народе.

Они выехали из города и взяли курс на Ладанку, где проживала Саломея Филипповна. День выдался вполне весенний: светило и даже припекало солнце, воздух был сладок и прозрачен. На полях лежал снег, вдоль дороги из подтаявшей земли бойко пробивалась ярко-зеленая трава и бежали ручьи талой воды. Монах открыл окно. Он жмурился и с наслаждением вдыхал весенний воздух, слушая Добродеева.

– Именно так я и предполагал, – заявил он, когда журналист закончил. – Поговорим с Саломеей и сходим в парк, хочу увидеть место, где ее нашли. Кстати, что с Маргаритой Бражник?

– Он ничего не сказал, значит, вернулась. Ой, да куда бы она делась! Я завтра же попрошусь на интервью с Бражником: интересно, что он собирается тут у нас строить. Говорят, завод по сборке автомобилей, какой-то крутой концерн, чуть ли не «Мерседес». Представляешь, можно будет купить новенький «мерс», со скидкой!

– Со скидкой? С какого перепугу?

– Дам несколько материалов, познакомлюсь, подружусь...

– Сомнительно, Лео. Где Бражник и где «Мерседес»...

– Говорят, у него сумасшедшие связи, он много лет работал в немецких компаниях. Ты не помнишь, какой поворот?

– Километров десять еще, там указатель.

Они добрались до Ладанки согласно указателю, свернули влево и въехали на кривоватую, крытую брусчаткой сельскую улицу. За заборами виднелись деревянные домики, из

труб шел дым, из-под ворот лаяли собаки. В конце улицы видна была синяя, в серебряных звездах, луковица с крестом. Вдали от больших дорог, от цивилизации, от новых веяний Ладанка жила своей устоявшейся патриархальной жизнью. Здесь никогда ничего не менялось, и казалось, что это место провалилось в некий безвременной колодец и время в нем остановилось навсегда.

Нет, конечно, некие приметы современности имели место: машины, антенны, сельмаг «Ракета» и дискотек «Летающая тарелка». В названиях явно просматривалась космическая тематика, что неудивительно: согласно бытующей местной легенде, в нескольких км от Ладанки, под горой, где вход в подземную пещеру, находится древнее стойбище летающих тарелок. Все знают. Каждое лето от туристов, археологов, спелеологов и эзотериков с палатками яблоку негде упасть. Натыкаясь друг на друга, они взапуски лезут в пещеру, ищут следы, копают, просвечивают стены, измеряют радиоактивный фон – а как же! На чем, по-вашему, работает тарелка? На атомной тяге. Значит, фон.

Древние прекрасно знали про гуманоидов, поэтому устроили тут капище, что доказывает вырытая из земли пару лет назад громадная каменная баба весом в две-три тонны, которую тут же окрестили Пещерной Венерой. Шум был страшный, пошли дебаты насчет того, что с ней делать. Не оставлять же без надзора, так как народ ушлый: упрут, продадут, опишут разными «Тут был Коля»! А потому – караул, и пусть

полиция обеспечит круглосуточную охрану. Потом все как-то угомонилось и улеглось, сообразилось, что вывезти бабу практически невозможно – рельеф «гуляет», наверх никакой мотор ее не затащит, а как погрузить, подъемным краном? Можно, правда, протаскать до города трактором, но так и повредить недолго. Короче, пусть пока останется на месте обнаружения. Общими усилиями поставили бабу стоймя, очистили от земли и песка специальными веничками и кисточками, огородили металлической оградкой и вкопали столб с табличкой: «*Руками не трогать, под охраной ЮНЕСКО*». Разумеется, народ из *урби эт орби*³ рванул смотреть на бабу и фоткаться, даже иностранцы приезжали, а потом круги сошли на нет и наступила относительная тишина.

Можно сказать, что над Ладанкой распростерла широкие крылья сень пещеры с пришельцами – что-то такое чувствуется в ее атмосфере, некий дух снисходит здесь на человека, покой и мягкость, даже климат здесь другой. Везде град с дождем, циклоны и песчаные бури, а здесь тихо, как у бога за пазухой, и земля золотая – воткни веник, и тот зацветет, пчелки собирают нектар с экологически чистых цветов, а за медом приезжают чуть не со всей страны. И травы тут целебные. И вообще.

Словом, где еще жить Саломее Филипповне, как не в Ладанке?

³ *Urbi et orbi* (лат.) – дословно: городу и селу; иносказательно: к всеобщему сведению.

Они запарковались напротив закрытых ворот с номером тридцать три и полезли из машины. Добродеев пискнул пультом, Монах толкнул калитку. Навстречу ему бросился громадный черно-серый пес, уперся лапами в грудь, жарко задышал и облизал лицо, причем молча, не издав ни звука. Добродеев попятился, с трудом подавив желание сбежать. То, что пес действовал бесшумно, придавало сцене какой-то дьявольский оттенок, хотя никакой тайны в этом не имелось – у него были вырезаны голосовые связки. Кто и зачем изувечил пса – бог весть, таким он прибился ко двору Саломеи Филипповны несколько лет назад. Леше Добродееву нравилось всюду видеть знаки, омены, дьявольщину и следы внеземного разума, в отличие от Монаха, который хоть и считал себя волхвом, но был здравомыслящим реалистом с авантюристической жилкой.

– Херес! – закричал Монах, уворачиваясь. – Узнал! Ах ты собакин! Ах ты разбойник! Узнал, паршивец!

– Херес, назад! – раздался зычный голос. – Проходите, не бойтесь!

Хозяйка, кутаясь в шерстяной крестьянский платок, черный в красные розы, стояла на крыльце, присматриваясь к непрошеным гостям.

– Саломея Филипповна, дорогая! – Монах сердечно обнял ее. – Ничего, что мы без звонка?

– Какой звонок! Я ожидала вас раньше. Заблудились?

Монах и Добродеев переглянулись. «Ведьма!» – было на-

писано на лице Добродеева.

– Поздно выехали, – пробормотал он.

– Проходите, молодые люди. Херес, сидеть! Осторожнее, низкая притолока.

Они прошли в темные холодные сени. Добродеев все же стукнулся лбом о притолоку и зашипел. Уворачиваясь от пучков сухих трав и ягод, свисающих с потолка, они прошли за хозяйкой в комнату.

Здесь было светло и тепло. Горели, потрескивая, поленья в камине, сложенном из грубого дикого камня. На большом диване среди подушек спала кошка. Добродеев с опаской повел взглядом по комнате, высматривая другую живность, но, кроме рыбок в аквариуме и клетки с попугайчиком, никого не увидел. При виде гостей птичка оглушительно заверещала. Кошка открыла янтарный глаз и потянулась, подняв хвост трубой.

– Садитесь, мальчики, – пригласила Саломея Филипповна. – Ташка, брысь!

– Мы тут кое-что прихватили, – сказал Добродеев. – Городские гостинцы, так сказать. А внук дома?

– Никитка? В пещере, открывают сезон сегодня. Вся команда там. Время к обеду, подгадали вы. Сейчас накрою на стол, и поговорим.

– Откуда вы знали, что мы приедем? – спросил Добродеев. – Вещий сон?

Саломея Филипповна рассмеялась:

– На картах кинула. Выпали два короля.

– Правда? – поразился Добродеев. – Карты Таро? Вы и судьбу умеете?

Монах иронически фыркнул и посмотрел на потолок. На балке сидела небольшая сова и, в свою очередь, внимательно смотрела на него.

– До-До! – обрадовался Монах. – А я-то думаю, куда ты делся!

– В смысле? – не понял Добродеев и тоже посмотрел на потолок. – Ой, сова! Чучело?

– Сам ты чучело! – Монах хлопнул в ладоши. Сова слетела с балки и пролетела у них над головами. Они ощутили движение воздуха – легкий сквознячок. Добродеев пригнулся. Монах протянул руку, и птица уселась ему на ладонь. – Красавец!

– Судьбу? – переспросила Саломея Филипповна. – Само собой. Мальчики, ну-ка, придвиньте стол к дивану! И достаньте тарелки в буфете. Там же стопки.

До-До клюнул Монаха в палец, тот невольно взмахнул рукой, и птица плавно перелетела на спинку дивана. Тот сунул палец в рот.

– Больно? – спросил Добродеев, отодвигаясь на край дивана.

– Это он играет, – сказала Саломея Филипповна. – Скучает, а из дома не летит, холодно еще. То к Ташке пристанет, то попугая дразнит. Принцесса себя в обиду не дает, а Борька

боится, забивается в клетку. Прошу к столу! Кто что будет? Вы, смотрю, коньячок привезли, а кто желает моей наливки? – Я желаю! – обрадовался Монах. – Всегда вспоминаю вашу наливку. Мы с Лешей вместе вспоминаем. Из царских рюмок.

Они выпили за встречу. Саломея Филипповна приглашала кушать без церемоний, чем бог послал. Несколько минут гости с удовольствием уминали за обе щеки картошку с мясом. Наконец хозяйка спросила:

– Что уже известно про женщину в парке? Узнали кто?

– Откуда вы... – Добродеев поперхнулся. – Карты? – догадался.

Монах только головой покачал:

– В новостях было, Лео. Пока ничего не известно, Саломея Филипповна.

– А о чем спросить хотите? – Она смотрела на них, ухмыляясь. – Почему я? Я ведь не ведьма.

Монах и Добродеев переглянулись. «Ведьма!» – явственно читалось на лице Добродеева.

– С вашим житейским опытом... И Никитка, может, что-нибудь знает, – пробормотал он, раскрыл папку и достал фотографии. – Вот!

– Никитка? Вряд ли. Но спрошу, как вылезет из пещеры. – Саломея Филипповна взяла фотографии и принялась рассматривать одну за другой, держа их на вытянутой руке.

– Что за знак? – спросила она наконец. – Плохо видно.

Тату?

– Типа того. Узел Троицы, слышали?

– Слыхала. А что с волосами? Обрезали?

– Обрезали. Документов при ней не было, нашли пятнадцатого февраля в парке около пруда, там, где стоянка. Убили в другом месте, накануне, четырнадцатого вечером, в парк привезли на машине, видимо, ночью. Задушена шарфом. Никто не заявлял о пропаже, ее не ищут. В городе пошли разговоры про сатанинский культ и тайный обряд. У нас никогда ничего подобного не случилось. Я собираюсь писать об этом, буду говорить со старыми людьми, есть у меня пара старичков позапрошлого века. Мы подумали, а вдруг вы что-то... – Добродеев замялся.

– ...что-то рассмотрите и подскажите, – подхватил Монах. – Никитка ваш в клубе «Руна», вдруг они что-то знают. Знак этот известен немногим, тут история и эзотерика... Похоже, не обычное убийство, тем более жертва не была ограблена, он оставил золотые украшения.

– Может, она ведьма? – сказал Добродеев. – Им, кажется, стригли волосы и потом сжигали на костре. Не помните?

Монах закашлялся.

– Не помню, Леша, – покачала головой Саломея Филипповна. – Это если и было, то до меня. Я уже после революции родилась...

– Я не то хотел сказать! – испугался Добродеев. – Я не имел в виду! Конечно, после революции... Честное слово!

Вы молодая... еще. Просто я подумал, может, вы знаете... Тут странные места, пещера эта, легенды, колдовство, бабу выкопали... всякое говорят... – Он беспомощно умолк.

– Да ладно, я пошутила. Значит, молодая женщина, погибла насильственной смертью, убийца остриг ей волосы и нарисовал знак на лице. То есть с намеком на некий тайный смысл: не то ведьму казнил, не то женщину легкого поведения. Ничего подобного у нас здесь отродясь не было. Ведьмы проживали за селом, на отшибе, если возникали претензии, то их изгоняли или бросали в воду – потонет, значит, «чистая», выплывет – ведьма. Это было лет двести назад, да и то в редких случаях. Все публично, при стечении народа, по решению сходки, а в вашем случае тайно, с намеком... – Саломея Филипповна покачала головой. – Не поленился ведь, нарисовал знак, волосы остриг... – Она присмотрелась. – И украшения на ней. Не снял, получается. А с ведьмы снимали, что там на ней было – бусы, крестик, кольцо... Все снимали и закапывали на перекрестке четырех дорог.

– Это когда-то, а тут, может, новый ритуал, – заметил Добродеев.

– Против ведьм? Это кому же они помешали? В Интернете полно гадалок и ведьм, на все вкусы, выбирай, не хочу. А эта, получается, не угодила.

– Перебор? – догадался Монах. – Знак красивый, конечно, но ни силы, ни смысла уже нет, просто картинка, для красоты. И волосы остриг, и золото не взял. Слишком нарочито,

согласен...

Саломея Филипповна развела руками, соглашаясь.

– И что? – спросил Добродеев. – Если ни силы, ни смысла? Зачем тогда? Псих? Маньяк?

– Зачем? – Она усмехнулась: – Значит, нужно было. Узнать бы, кто она... Ну да узнают, не сегодня завтра. Перебор, говоришь? – Она посмотрела на Монаха – Если перебор, то... сам понимаешь.

– Понимаю.

– В смысле? О чем вы? – спросил Добродеев.

– О том, что он все это проделал недаром, а с целью, – веско произнес Монах.

– С какой? – Добродеев переводил взгляд с хозяйки на друга.

– Обратить на себя внимание, заявить, застолбить участок. Перевести стрелки на магию. Если ему непременно нужно было ее убить, то просто убил бы, а он навешал декораций. А это значит, что... – Монах замолчал, глядя на журналиста.

– Что? – выдохнул Добродеев.

– А это значит, Лео, что будет продолжение. Мы это уже обсуждали. Не думаю, что псих, слишком просто. Хотя, может, и псих, – сказал он, подумав. – Ничего нельзя исключить. Мало информации, подождем. Думаю, он снова даст о себе знать.

– Еще наливки? – спросила после паузы Саломея Филип-

повна.

– Вы тоже думаете, что будет продолжение? – Добродеев выразительно взглянул на хозяйку.

Она пожала плечами и промолчала.

– А если бросить на картах? – закинул удочку он.

– На картах? – Саломея Филипповна усмехнулась: – Не верю я в карты, Леша. Я пошутила...

Глава 5

Узел Троицы... Опять?

Истина ничуть не страдает от того что кто-либо ее не признает.
Закон Шиллера

Добродеев пер буром и после трех отказов секретаря – весьма неприятной особы со скрипучим голосом, старой де-вы, не иначе, – сумел выйти на Бражника и уболтал дать интервью, напирая на то, что это важно для его бизнеса.

Все оказалось гораздо проще. Не «Мерседес», а корейцы, не завод, а пока только консультации насчет покупки земельного участка за Еловицей, где, возможно, когда-нибудь поставят завод по сборке «Ланоса». Виктор Бражник, оказывается, наш земляк, родился здесь, работал за границей, отсутствовал двадцать четыре года и вернулся в родные палестины с целью раскрутить бизнес. Время разбрасывать и время собирать, так сказать. Посредник и консультант, имя, репутация, связи, предприимчивость. Сильный игрок, одним словом.

Они сидели в кабинете хозяина. Здесь стоял полумрак – большое окно было закрыто тяжелыми зелеными, с золотыми кистями, драпри; у дивана горел торшер под желтым абажуром, на письменном столе – зеленая настольная лам-

па. Темно-коричневая мебель, почти пустые книжные полки, кожаный диван и такие же кресла. На письменном столе – монитор последней модели, серебряный стакан с остро отточенными карандашами и плетеная металлическая корзинка с бумагами. Идеальный порядок, пусто, стильно, так и несет большими деньгами. На журнальном столике между гостем и хозяином – лакированный китайский поднос, расписанный пионами, с двумя маленькими чашечками кофе – запах на весь дом, – позолоченные крошечные ложечки, сахарница с кубиками сахара и щипчики. Так же стильно, как и все остальное, включая хозяина, Виктора Олеговича Бражника – очень средних физических данных, как уже упоминалось, прекрасно одетого, с седыми висками, но почему-то небритого и с синяками под глазами. Оба сидели на диване. Добродеев поедал хозяина глазами и задавал банальные до идиотизма вопросы, типа, а что вы кушаете на завтрак? Одежду каких брендов предпочитаете? Куда ездите отдыхать? Сколько раз в год? Дети? Внуки? Народ любит про богатых и знаменитых...

Бизнесмен отвечал обстоятельно, руки были сжаты в кулаки, что придавало вес словам. Его дела и городской бизнес-климат они обсудили за пять минут. Добродеев из шкуры лез, придумывая новые вопросы и надеясь, что ему удастся увидеть супругу Бражника – а вдруг Маргарита заглянет в кабинет... допустим, спросит, что готовить на обед: телятину по-провансальски или омаров под белым соусом с трюфелем.

лями, а то и пригласит откусать с ними. Бражник был хмур, очень серьезен, на Добродеева не смотрел – похоже, думал о чем-то своем. Бизнес, да, нормально. Ни детей, ни внуков нет. На завтрак? Овсянка и кофе без сахара. Сахар только для гостей – он кивнул на сахарницу. Отдых, как правило, в Испании, у них там вилла. Одежда? Он пожал плечами...

Добродеев упомянул о Дне святого Валентина в «Английском клубе», где он присутствовал со своими друзьями – известным экстрасенсом, знаменитым фотографом – лауреатом международных выставок и культовым режиссером Молодежного театра. Похвастался, но упомянул не просто так, а с дальним прицелом, надеясь, что Бражник как-то объяснит исчезновение супруги, ведь гость явно оказался свидетелем странной сцены. Тот посмотрел в чашку кофе, лицо его стало еще более мрачным, и было непонятно, слышит он журналиста или нет. Похоже, не выспался или был семейный скандал, что неудивительно – супруга взяла и ушла, выставив его полным идиотом! Или обострение хронической болячки. Добродеев закончил рассказ про друзей и все-таки спросил, как его супруге Маргарите... извините, не знаю отчества, понравился прием и вообще местное общество, лучшие его представители, так сказать.

На лице Бражника промелькнуло растерянное выражение. Он в замешательстве посмотрел на часы и пробормотал, что у него через полчаса важная встреча. Добродеев понял, что интервью закончено и пора выметаться. В кабинет про-

скользнула та самая бесцветная старая дева, которая отвечала по телефону – видимо, подслушивала под дверь, как и полагается приличной секретарше... или секретарю? – и любезно предложила проводить журналиста вон. Добродеев поднялся, Бражник остался сидеть. У Добродеева мелькнула мысль пощупать ее, образно выражаясь, он уже прикидывал, о чем спросить, но тут вдруг прозвучали резкие тяжелые аккорды. Он увидел, как Бражник быстро выхватил из кармана айфон и стал напряженно слушать. Гость тут же остановился и нагнулся – сделал вид, что развязался шнурок на ботинке.

– Прошу вас, господин Добродеев, – поспешно сказала секретарша. – Вам сюда! – Она почти вытолкала журналиста из кабинета и закрыла дверь...

... – И тут меня как лопатой по голове! – Добродеев торжествующе смотрел на Монаха. – Я понял, что происходит! И то, что он увильнул от ответа про Маргариту, и то, как плохо он выглядел... Да он просто не слушал, все приходилось повторять по нескольку раз! А знаешь почему?

– Маргарита не вернулась, – сказал Монах буднично. – И с него требуют выкуп.

– Откуда ты знаешь? – опешил Добродеев.

– Серые клеточки, Лео. – Он постучал себя по лбу костяшками пальцев. – Логика. Полицию, как я понимаю, он не привлекал, это классика, главное требование умыкателей. Скорее всего, твой Бражник поднял в банке денег, положил в

чемодан и ждет указаний. А тут ты со своими... вопросами. Непонятно, правда, почему он согласился на интервью, как я понимаю, ему в данный момент не до публичности.

– Как это почему? – вскричал Добродеев. – Мне обычно не отказывают!

– Да, да, понимаю, не смог устоять. – Монах ухмыльнулся. – Как бы там ни было, теперь мы знаем, что случилось с Маргаритой.

– Что делать будем? Сообщим Мельнику?

Монах молчал, раздумывал, раз за разом пропуская бороду через пятерню.

– Лео, звони своему инсайду! – сказал он наконец. – Спросишь... – Он снова замолчал, уставившись в пространство.

– О чем?

– О второй жертве, Лео. С картинкой на лице и остриженными волосами. Я думаю, ее уже нашли. И личность, скорее всего, не установили.

– В смысле? – вытаращил глаза Добродеев. – Что... О чем ты? Вторая жертва? Ты думаешь... Маргарита?!

Монах молча, с интересом, наблюдал, как меняется лицо приятеля.

– Но почему?

– Логика, Лео. Жертва в парке, узел Троицы, остриженные волосы... Помнишь, мы решили, что это только начало? И Саломея согласилась, что убийца проделал это не просто в качестве разовой акции, будет еще жертва... или жертвы.

Правда, я не ожидал, что так быстро.

– Не верю! – вскричал Добродеев. – Первая жертва никому не известна! Никто ее не узнал, не заявил, а Маргарита... Господи, да зачем ему убивать! Известное лицо, уважаемые люди... Он просто захотел срубить денег, заработать. Бражник отдаст деньги, и Маргарита вернется. Ежу понятно! О чем ты? Не верю! – бессвязно выкрикивал журналист. От избытка чувств он даже вскочил, потом снова сел. – Эти случаи не связаны!

– Помнишь отца Брауна у Честертона? Его умыкнули, и он, привлекая к себе внимание... Не помню точно, что он делал, кажется, кого-то толкнул, разбил витрину, перевернул столик... Классика, Лео. Ничто не ново под луной. Создалась цепочка бессмысленных на первый взгляд событий, которая тем не менее имела цель, была зрелищна и прекрасно запомнилась публике. Исчезновение Маргариты при стечении народа, женщина в парке, знак на лице, волосы... тоже бессмысленно и странно, но! – Монах поднял указательный палец. – Но смысл именно в нарочитой бессмысленности. Два события, выпавших из наших представлений о логике, не могут быть не связаны. Странно, правда, другое... – Он замолчал.

– Что?

– Убийца не должен был требовать выкуп. Он не взял золото первой жертвы и потребовал выкуп за вторую... Не пляшет.

– Именно это и доказывает, что случаи не связаны! – подхватил Добродеев. – Твой любимый закон парных случаев дал сбой. Подвел!

– Закон парных случаев, Лео, никогда не подводит. Хочешь пари?

– Какое еще пари? – опешил тот.

– Они связаны!

– Ну... А на что?

– Ужин в «Тутси», пиво или коньяк по выбору победителя, согласен?

– По рукам! – согласился Добродеев, и они обменялись рукопожатием.

– Звони! – приказал Монах. – И пусть подгонит фотки... в случае чего.

Добродеев достал из кармана телефон, набрал номер, произнес пароль «Привет, это я!» и стал слушать.

Монах почесывая бороду, наблюдал, как вытягивается лицо журналиста.

– Ага, спасибо, – сказал Добродеев упавшим голосом. – Подкинь как всегда, лады? Буду должен. – Он отложил телефон и уставился на Монаха.

– Ну?

– Сегодня утром нашли еще одну жертву... В леске около центрального пляжа. Все то же, узел Троицы на правой щеке и остриженные волосы. Личность не установлена... пока.

– Конечно, не установлена. Потому что Бражник не заяв-

лял об исчезновении жены. Фотки?

– Сказал, скинет.

– С тебя ужин с коньяком, Лео.

– Может, это не Маргарита, еще ничего не известно, – сказал Добродеев, но уверенности в его голосе не было вовсе.

Фотографии пришли, примерно через час. Это была Маргарита. С узлом Троицы на щеке, с грубо остриженными темными волосами, в том самом красном платье, в котором они запомнили ее на рауте в «Английском клубе». С золотыми сережками в ушах...

– Не понимаю, – пробормотал ошеломленный Добродеев. – Она исчезла четырнадцатого, сегодня семнадцатое, два дня с половиной, почти три, она не могла там все время... ее бы нашли! Где же она была? А как же выкуп?

Монах пожал плечами и промолчал...

Глава 6

План действий

*На каждое действие есть равная ему
противодействующая критика.
Постулат Харрисона*

– А теперь, Лео, звони майору и скажи, что нам известно имя жертвы и мы готовы его озвучить! – командовал Монах. – Не даром, разумеется, – добавил он.

– Лады! Я выловлю его, звякну, и ты бегом к Пушкину. Не опаздывай, у нас будет четыре с половиной минуты.

– Э нет, Лео, так не пойдет, – ухмыльнулся Монах. – Ты упускаешь одну важную деталь – диктуем мы! Так что четыре минуты или десять, решает не он, понял? Через два часа у Митрича в «Тутси». То есть... – он посмотрел на часы, – в пять. Точка.

– Ты думаешь?

– Уверен. Не рохай, Лео. Правда на нашей стороне. Гнем свою линию и берем быка за рога. Противник должен нас уважать. Это я тебе как...

– Знаю, знаю, – перебил Добродеев. – Как скромный бродячий волхв с детективными способностями.

– Увы, уже не бродячий, – сказал Монах. – Перебродивший. Звони!

Добродеев потыкал пальцем в айфон; друг гипнотизировал его взглядом.

– Привет, майор! – бодро сказал журналист, и Монах одобрительно кивнул и показал большой палец: так держать! Потверже! – Есть разговор... у нас, мы тут с Олегом, подсобралась кое-какая информация по второй женщине... Откуда знаю? У нас свои источники. У памятника? – Добродеев посмотрел на Монаха, тот замахал руками и показал кулак. – Не получится, майор. Разговор долгий. Ждем тебя у Митрича через два часа, то есть... э-э-э... в пять. До встречи!

Не дожидаясь ответа, он отключился. С минуту они молча смотрели друг на друга.

– А если не придет? – спросил Добродеев. – Два убийства на руках... Он там днюет и ночует!

– Придет, – твердо сказал Монах. – Прибежит как миленький. Хочешь пари?

– Не хочу!

Если бы они заключили пари, Добродеев снова проиграл бы. Майор Мельник пришел в пять ноль-ноль. Недовольный, мрачный, он прошагал по залу к их столику, кивнул, сел и взглянул вопросительно.

– Как жизнь, майор? – сказал Монах, приветливо улыбаясь. – Леша боялся, что ты не придешь: два убийства не шутка, говорит, ты даже ночуешь на работе.

– Какая у вас информация? – с ходу перешел к делу Мельник, которому было не до лирики.

– Имя второй жертвы, – сказал Добродеев.

– Даже не буду спрашивать откуда, – сказал майор. – Ну?

– А что по первой? – спросил Монах. – Личность установлена?

– Установлена. Приезжая, из Березового...

– Райцентр на севере области, знаю, – перебил Добродеев. – Четыре часа машиной.

– Билетик на автобус нашли? – ухмыльнулся Монах. – Что сообщают из Березового? Как ее звали?

Добродеев только головой покачал: ну, не нахал?

Майор сверкнул взглядом, но сдержался и сказал после паузы:

– Янина Матвеевна Сокор, тридцать три года, одинокая, работала в центральном универсаме, познакомилась в чате с женщиной из нашего города, он пригласил, она выехала из Березового четырнадцатого февраля двухчасовым рейсом, прибыла сюда в семнадцать пятьдесят, куда направилась с вокзала, неизвестно. Это все. Ну?

– Маргарита Бражник, супруга Виктора Бражника, предпринимателя. Исчезла четырнадцатого февраля с ужина по случаю Дня святого Валентина в «Английском клубе», – сказал Монах, вспомнив сцену из старого фильма, где на мосту обменивают *ихнего* шпиона на нашего разведчика.

– Там были все городские сливки, я достал приглашительные, – похвастал Добродеев.

– Красиво жить не запретишь, – неодобрительно заметил

майор Мельник. – Что дальше?

– Бражник поднял шум, его быстренько увели и скандал замяли, – сказал Монах. – Мы думали, что она вернулась, он просто приревновал – выпил лишнего. И никакого заявления в полицию, разумеется. На другой день, пятнадцатого, нашли первую жертву, в городе пошли слухи про сатанинский культ... из-за знака на лице и остриженных волос. – Майор шевельнулся, но от вопроса удержался. – Леша добился у Бражника интервью, так как по городу говорят, что он собирается ставить автомобильный завод, чуть ли не «Мерседес». Оказалось, враки. Леша, скажи!

– Он покупает землю для корейцев. Выглядел плохо, отвечал через силу...

– Непонятно, какого хрена он согласился на встречу, – заметил Монах.

– Некоторые вопросы приходилось задавать по два раза, – вспомнил Добродеев. – А потом ему позвонили, он схватил телефон... прямо подпрыгнул! Слушал молча, а меня тут же выставила его секретарша... Вытолкала! Жуткая особа! Мечта любой супруги, может, она сама ее и выбирала. Не иначе, потребовали выкуп... так мы с Олегом решили. А потом совершенно случайно узнали, что ее нашли сегодня в леске за пляжем. На щеке знак, волосы острижены – все как в первом случае.

– Обе жертвы примерно одного возраста, одной стати, темноволосые, – сказал Монах. – Между прочим, мы вчера

смотрались к Саломее Филипповне... Помнишь, в прошлом году собака разорвала убийцу и спасла ей жизнь?⁴ Умнейшая женщина и ясновидящая... Ты, правда, в эти вещи не веришь. Ее внук Никитка президент эзотерического клуба «Руна», мы хотели спросить насчет знака. Это так называемый узел Троицы...

– Знаю, – перебил майор. – Ну и?.. Секта?

Монах молчал, загадочно глядя на майора. За столом повисла пауза.

– Трудно сказать, – сказал наконец Монах. – Внука не было дома, а она не знает. Между прочим, волосы остригали перед казнью ведьмам или женщинам легкого поведения, а еще с них снимали украшения. Лет двести назад. Узел Троицы... когда-то считалось, имеет магические свойства – оберег, процветание, благополучие и тому подобное. Таких знаков сотни, сейчас их едва помнят. Ему несколько тысяч лет, сотни модификаций. Зачем убийца использовал именно этот знак? – Монах пожал плечами. – Связано ли это с религией? Даже обсуждать не хочу – потонем, у сектантов свои заморочки. Знак, волосы... И золотишко не снял. Непонятно. Что хотел сказать? Почему именно их? Что у них общего? Кроме внешнего вида... Первая – приезжая, из низших слоев, так сказать, вторая – богачка... Как он вообще на них вышел? Несомненно одно: убийца – человек творческий, мог

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Среди восковых фигур».

просто убить, а он устроил спектакль... зачем-то. Что-то хотел сказать, *типа* месседж, как в тупых сериалах. Мы с Лешей думаем, что сказал он далеко не все, поэтому засветился с почерком – теперь его и слепой узнает. Знак, волосы, нетронутое золотишко... Такие выкрутасы не затевают ради пары убийств.

– Думаете, серия? – спросил майор, и в голосе прозвучали неуверенные нотки, что было совершенно на него не похоже.

– Сексуальный маньяк! – воскликнул Добродеев. – Или секта.

– Он их не тронул, – угрюмо сказал Мельник. – Секса не было.

– Тем более, – сказал Монах. – Значит, ритуал в чистом виде. Я реалист, господа, поэтому все мое естество восстанет против знака и обрезанных волос. С удовольствием начистил бы этому позеру морду. Не знаю! Не могу придумать мотив, мало информации. Надо копать. Допускаю, что это может оказаться дымовой завесой.

– Дымовой завесой? – с недоумением повторил Добродеев. – В каком смысле?

– Лео, этот сюжет обкатывался в добром десятке криминальных романов – надо убить одного или одну, а убивают пятерых. Одна жертва «подлинная», другие, не имеющие ни малейшего отношения к убийце, – дымовая завеса. И следствие в тупике.

– Почему треугольник? – спросил после паузы Мельник.

– Согласно Платону, символ триединой природы Вселенной – небо, земля, человек или человек как тело, душа и дух. Божественное равновесие. Гармония замысла и исполнения... Всего не перечислишь. Каждая религия трактовала его по-своему. Христиане в том числе. Почему? Я же говорю, позер. Мог выбрать любой другой.

Они помолчали.

– Все? – Взгляд у майора был тяжелым.

– Хочу спросить... – начал Добродеев. – Маргарита исчезла четырнадцатого, нашли семнадцатого. Где она была все это время? Не думаю, что на пляже, ее бы заметили...

– Ее продержали где-то двое суток перед тем, как отвезти в рошу.

– Где-то? А как ее убили? – спросил Монах.

– Ей нанесли удар по затылку, около трех дней назад, то есть вечером четырнадцатого, скорее всего. После чего убийца остриг волосы и нарисовал знак. Держал где-то около двух суток, ночью семнадцатого отвез на пляж. В девять утра ее нашли бегуны, там хорошая дорожка...

– То есть убили ее почти сразу после исчезновения. А зачем он держал ее где-то... почему не избавился от трупа сразу? – спросил Добродеев.

Ему никто не ответил.

– Все? – Майор посмотрел на Монаха и перевел взгляд на журналиста.

– Все... вроде.

Мельник поднялся.

– Ты, майор, не забудь посмотреть записи с видеокамеры в «Английском клубе», куда-то же она делась... Маргарита Бражник, – подсказал Монах. – А когда вызовешь Бражника на опознание, покажи ему на всякий случай Янину Сокор.

Майор Мельник только глазами сверкнул и не прощаясь пошел к выходу.

– Он был готов нас убить, – хихикнул Добродеев. – Особенно за рекомендации, он же не дурак, а ты прямо как с придурком. Даже не попрощался.

– Вырвалось. Дурацкая привычка расставлять все по полочкам. Ты заметил: он не сказал, чтобы мы не совались и не путались?

– Заметил. Расстроился человек. Почему ты назвал убийцу позером?

– Двадцать первый век... – неопределенно произнес Монах и замолчал. Разочарованный Добродеев понял, что больше тот ничего не скажет, но ошибся. Монах почесал бороду и продолжил: – Прочитал тут пару дней назад в Интернете... Один шутник в Малайзии раскрасил собаку под тигра и выпустил на улицу. Народ до смерти перепугался, кинулся врассыпную. Чисто тигр! Правда, если присмотреться, видно, что все-таки собака.

– И что? – спросил Добродеев после паузы.

– Ничего, просто вспомнилось. Что пьем? Коньячок? Ставит проигравший. А кто у нас проиграл?

– Да помню я! – Добродеев махнул рукой, и бармен, он же хозяин заведения Митрич, устремился к ним со своей дребезжащей тележкой, нагруженной бокалами с пивом и тарелками с бутербродами.

– Ну что? – выдохнул тот, подъехав. – Нашли убийцу? Майор даже пива не захотел, расстроился. Значит, дело швах. Не нашли! – Он принялся разгружать тележку.

– Пока не нашли, Митрич. Ищут, работают. Кстати, нам сегодня коньячок, Лео угощает.

– Дата?

– Просто так, – сказал Добродеев. – Весна...

– А это правда, что было еще одно убийство? Весь город просто жужжит! Два убийства за три дня, две женщины...

– Правда, Митрич.

– Говорят, секта. – Тот понизил голос: – Сатанисты! На жертвах нашли какие-то знаки, и волосы обрезаны. Подруга мамочки Мария Августовна, умнейшая женщина, говорит: их приносят в жертву! Выбирают похожих друг на дружку и убивают. Культ сатаны, как в Америке или в Европе. И самое главное, поймать их практически невозможно. Подпольная цепь, полная конспирация, каждый член знает только двух других... или даже одного, чтобы в случае пыток никого не выдать.

– В случае пыток? – удивился Добродеев.

Митрич покивал:

– У них жесткий статут и обет молчания, чтобы не бы-

ло утечки. Обнаружить их практически невозможно, нужны нетрадиционные методы.

– Осиновый кол? – предположил Монах.

– В том числе! Или серебряная пуля, как на Дракулу. Вся надежда только на вас, ребята. Майор тоже понимает, вон какой мрачный.

– Ты, Митрич, держи нас в курсе, кто что говорит, всякие подозрительные телодвижения, как говорится. Слухами земля полнится, – сказал Монах.

– А как же! Буду. Вы кушайте, ребята, еда помогает от стресса. Если надо что, только скажите. А я сейчас вам коньячок! – Он убежал.

– Что будем делать, Христофорыч? – спросил Добродеев, нацеливаясь на бутерброд покрупнее.

– Дел непочатый край. Первое – видеозапись из ресторана. Это на тебе, Лео. И возьми фотки у Ивана Денисенко, хочу рассмотреть Маргариту поближе. Сделаешь?

– Иван не даст, – сказал Добродеев. – Жмот страшный.

Монах ухмыльнулся:

– Скажи, для меня. А мы за это будем держать его в курсе. Я сегодня же вечером заскочу к Жорику, попрошаю Анжелику – интересно, что говорят ее подружки.

– Да что они могут говорить! Одни бабские сплетни.

– Согласен, но рациональное зерно или идею, если повезет, можно выловить. Отталкиваясь от обратного. Это на сегодня. А завтра... – Он замолчал, раздумывая. – Завтра я бы

смотался в Березовое... Сколько туда?

– Примерно сто семьдесят кэмэ. Думаешь, стоит?

– Стоит, Лео, еще как стоит! Подружки наверняка знают, к кому она поехала. Ментам могли не сказать, мне могут не сказать, а тебе, золотому перу журналистики, споют как по нотам. Ты наше стратегическое оружие, Лео. Скажешь, что собираешься дать материалец, они и потекут. Добавишь автограф и пару комплиментов... да ты и сам знаешь. Думаю, за пару часов управимся... Как? Поговорим, и сразу обратно.

– Да ладно тебе! – Польщенный Добродеев сделал вид, что смутился. – Если ты так думаешь... В принципе, я не против. А потом?

– Потом будем думать. Кстати, Лео, надо бы тебе проскочить на рысях в «Английский клуб», пока майор не изъял запись, – сказал вдруг Монах. – Он удавится, а не даст. Надо бы успеть раньше.

Глава 7

Ужин в теплом семейном интерьере с хомяком

*Я встречу вас за квадратом стола.
Мы чайник поставим. Тепло. Уют.*

Всеволод Багрицкий. Гость

Звонить Монах не стал, решил сделать сюрприз, да и не хотелось суеты, официоза, приготовлений. Накупив всякого-разного в «Магнолии» поблизости, с двумя здоровенными торбами, чертыхаясь, он стоял под дверью, вспоминая код. Дверь открылась, из подъезда вышла толстуха в мохнатой шубе. Он поздоровался и ногой придержал дверь.

– Вы к кому? – спросила та, подозрительно рассматривая его.

– К Шумейкам! – поспешил Монах.

– Их хулиган устроил пожар, вызывали пожарных. И орут все время, покоя от них нет!

– Передам непременно, – пообещал Монах. – До свидания!

За дверью семейства Шумейко действительно стоял крик. Воспитательный момент, не иначе, решил Монах. Он позво-

нил, и крик стих. Монах позвонил еще раз и уловил движение в глазке.

– Откройте, полиция! – сказал он страшным голосом.

Дверь распахнулась, Монах увидел разгоряченного и расхристанного более обычного Жорика.

– Ничего, что я без звонка?

– Проходи! Молодец, что пришел. Я думал, опять участковый. Анжелка напирает, что я не воспитываю, все на ней, а я, типа, дурака валяю! Нашла крайнего! А семью кто кормит?

Монах передал Жорику торбы и стащил дубленку...

...Они дружили еще со школы, с младых ногтей – энергичный, полный самых диких идей Жорик-Зажорик-Жердяй Шумейко, тощий, расхристанный уже тогда, с торопливой ныряющей походкой и вечно невыученными уроками, и благодушный солидный Олег Монахов, лучший математик школы. Нашли друг друга, что говорится. Трудно сказать, чьи идеи были более дикими, но влипал один Жорик, и тогда Монах шел на переговоры с учителями или с самим директором школы, объяснял, аргументировал, ручался и отбивал друга. Уже тогда в Монахе проклёвывался дипломатический гений и чувствовались задатки лидера. Он был популярен: девочки за ним бегали, учителя его любили, даже конфликтные подростковые ситуации он улаживал, когда стенка шла на стенку. И не били его никогда, не дразнили его жирт্রে-стом... Да никому бы и в голову такое не пришло!

Они сохранили школьную дружбу и даже стали деловыми партнерами – сообща владели фабричкой «Зеленый лист», как уже было упомянуто ранее. Сыну Жорика, маленькому Олежке, Монах приходился крестным, в их же дом он возвращался после долгих странствий – грязный, обросший пестро-рыжей бородищей, в стоптанных кирзовых сапогах, с неподъемным рюкзаком, – зная, что здесь его примут, отмоют и приголубят. Сдерживая волнение, он нажимал на красную кнопку звонка, прислушивался к шагам внутри и растроганно гудел:

– Это я! Открывайте, черти!

Дверь распахивалась, и Жорик радостно бросался ему на шею, приговаривая:

– Живой! А я думал, тебя уже схарчили аборигены! Голодный?

И солнце всходило, и радуга цвела, все было, все было... как в той старой песне. Было, да прошло. С хромой ногой да с рюкзаком не больно побегаешь по горам. Чертов водила! Убить мало. Выдают права кому попало!

Ладно, какие наши годы! Еще побегаем... когда-нибудь, утешал себе Монах, тяжело вздыхая...

... – Олежка, скажи ему! – закричала Анжелика, бросаясь к Монаху. – Хулиган растет, никого не слушает, тюрьма плачет, а Жорику трын-трава, воспитательница ругается, соседи не здороваются... А теперь еще и пожарные! Чуть дом не спалил! – Она зарыдала.

Девчонки Марка и Куся, хихикая, сидели на диване. Виновника торжества нигде не было видно.

– Ну чего ты, Анжелка, – бубнил Жорик. – Мы с Олежкой чего только не творили, когда малыши были, пацан должен все попробовать...

– Ага, а как разбираться, так сразу Анжелика! А папаша в кусты!

– Сколько ему уже? – спросил Монах, хотя прекрасно помнил, – ему хотелось сменить тему.

– Пять! Здоровый лось!

– Олежка, иди сюда! Ты где? – позвал Монах. – Смотри, чего я принес!

– Он наказан! В углу до завтра! – закричала Анжелика.

– Мам, можно я выйду? – басом спросил Олежка. – Я больше не буду. Это Куся сказала, что газета не горит, потому что в ящике!

– Не ври! Я такого не говорила!

– Говорила! Марка, скажи!

– А ты их не слушай и думай своей головой, сынок, – сказал Жорик.

Анжелика негодуя фыркнула:

– Воспитатель!

– Дядя Олег, можно я выйду?

– Ребята, я голодный как волк! Анжелика, успокойся, я принес твой любимый «Бейлис». Давайте за стол, ребята. Может, пусть уже выходит? Анжелика?

– Выходи, хулиган, – разрешила Анжелика. – И скажи спасибо дяде Олегу!

...Теплая домашняя атмосфера. Анжелика, конечно, взрывная и крикливая, но отходчивая. А Жорик пять лет не может поправить полку или положить отвалившуюся в ванной плитку, так как каждую свободную минуту занят своим американским наследством – пожилым «Бьюиком», заработанным потом и кровью за океаном на нервной работе дальнобойщика, у которого отказывает то одно, то другое... у «Бьюика» то есть. Какая жена, скажите на милость, терпела бы все эти железки в спальне под кроватью, в кладовке и под диваном, кроме Анжелики? Никакая. А она покричит-покричит да успокоится, и снова мир в доме. Расхаживает целый день в шлепанцах с собачьими мордами – подарок Жорика, – в цветастом халате, с клубничной маской на лице, с кружкой кофе и мобильником под ухом; выпроваживает молодняк в школу и в садик, сочиняет список, что купить, и сует мужу в карман, распахивает ногами живность – хомяков, щенков, ящериц – и смотрит одним глазом сериал. Монах вкусил все прелести их семейной жизни, когда у него не было своей квартиры и он проживал у них между побегами в пампасы – на расхлябанном диване с выпирающими пружинами. Тогда же он понял, что семейная жизнь суть ежедневный труд и не все способны. Как сказал один мудрец: жениться надо не на тех, с кем можешь ужиться, а на тех, без кого не можешь жить. Повезло Жорику!

...Они хорошо сидели. Анжелика утерла слезы, отошла, улыбалась и пила ликер, Монах и Жорик принимали коньячок, а детишки налегали на сладкое. Посреди стола сидел хомяк и ел сыр. Девочки подкидывали ему новые кусочки. Хомяка звали Шарик... Впрочем, возможно, это был сын или даже внук того Шарика, которого помнил Монах. В первый раз он глазам не поверил... Сейчас же удивился бы, если бы хомяка там не было. Человек ко всему привыкает.

– Анжелика, ты в курсе последних новостей? – закинул удочку Монах. – В городе полно слухов, говорят всякое...

– Господи, конечно! – всплеснула руками Анжелика. – Сатанисты! Жертвы!

И тут понеслось! Жорик только и успел спросить: «Какие еще сатанисты?», как его снесло ураганом бурного монолога Анжелики:

– Сатанисты! Секта! Ловят и убивают молодых красивых женщин! Рисуют сатанинские символы на лице, обрезают волосы, жертву загадывают на картах Таро, специальные агенты высматривают похожих в торговых центрах, идут следом, делают фотки, умыкают в безлюдных местах, запихивают в машину и увозят на базу, которая в лесу, накачивают наркотой, вынимают органы, обрезают волосы и рисуют знаки, потом снимают кино, выставляют в сером Интернете и выбрасывают в парке, а еще...

– ...они не отражаются в зеркале! – перебил Жорик. – Анжелка, ты себя слышишь? Совсем от сериалов мозги поеха-

ли?

– Это у тебя поехали! – парировала Анжелика. – За своими железками света не видишь. Отстал от жизни, зла на тебя не хватает. А как жену с рынка привезти с мешками, так нет, барахлит и не едет! Купил бы приличную тачку... «Ланос», как все нормальные люди!

– «Ланос»? «Ланос»?! – Жорик захлебнулся от негодования. – Да мой «Бьюик»... Что ты вообще в этом понимаешь?

– Чего тут понимать! Машина должна ездить. Мне чихать, «Ланос» или не «Ланос».

– Ребята, ребята, о чем спор! – попытался урезонить супругов Монах. – Анжелика права, машина должна ездить. Купите еще одну, только и всего. На одной возить Анжелику, другую ремонтировать и получать удовольствие. Мне бы ваши проблемы!

– Вот! – торжествующе закричала Анжелика. – Слушай, что умный человек говорит!

– Анжелика, ты что-то сказала про Интернет... В каком смысле выкладывают фотки? – спросил Монах. – Ты что-то видела?

– Не видела, но должны быть, сейчас все выкладывают! Им же нужен зритель, если никто про них не знает, им не в кайф, если бы только убить, так не рисовали бы и не стригли, а просто закапывали в лесу. Неужели непонятно? Им нужно донести идею...

– Какую? Каков критерий отбора жертв, так сказать?

Анжелика задумалась. Жорик подмигнул Монаху: заткнул фонтан, мол, молоток!

– Ну... не знаю. Молодые, красивые, самостоятельные... Независимые! Во! Секта из неудачников, ловят сильных, независимых и мстят. Мужик сейчас дохлый пошел, мы их забиваем во всех сферах, а они не хотят терять позиции, сбиваются в стаи и мстят. Это гендерный вопрос! Мужчины против женщин. Они против нас. В секте нет женщин, одни неудачники с личным конфликтом. И знаки придумали, и волосы стригут... запугивают, прячутся... Слабаки!

– Да-а-а... – протянул Монах. – Интересная точка зрения. А что дальше? Сколько еще...

– ...убьют? – Анжелика задумалась. На лице Жорика обозначилось выражение: «Господи, о чем они?» – Еще хотя бы одну... я так думаю. Говорят, до трех раз невозможно поймать, а потом нужно залечь на дно и переждать. «Три» – магическое число, и у них на лице треугольник. Точно! Еще одну.

– Э-э-э... спасибо, Анжелика, – сказал озадаченный Монах. – Ты, однако, мыслитель. Жорик, слышишь? Она у тебя мыслитель.

– Ага, щас! Мыслитель мыслит молча, а тут вся мысль в гудок уходит. Гудит и гудит, как на пожар.

– Ой, ладно! Сам ты гудишь... молча! Кому еще котлеты? Олечка, ты ничего не ешь, еще жареной картошечки?

– Правда секта? – спросил Жорик. – А что полиция? Или

опять на тебя вся надежда?

– Полиция работает. Мы с Лешей по мере сил стараемся, так как причастны каким-то боком... Мы были в «Английском клубе», когда исчезла жена бизнесмена.

– Вы были в «Английском клубе»? – воскликнула Анжелика. – И все видели своими глазами?

– Не видели – нечего было. Просто муж вдруг стал шуметь, что жена исчезла, и потребовал менеджера...

– Не понял? – сказал Жорик. – Что значит «исчезла»?

– Вышла из зала и не вернулась. Он принес шампанское – она попросила, – а ее нет.

– Куда вышла?

– Нос попудрить! – закричала Анжелика. – Вышла и вышла! А чего он хотел от менеджера? Тот не обязан следить за его женой.

– Не обязан. Растерялся, наверное.

– Э нет! – Анжелика помотала пальцем: – Ни фига! Ошибаетесь, мальчики.

– А что?

– А то! Сразу заподозрил, что она с кем-то за его спиной, и засуетился, видать, был опыт. Представь меня и Жорика: я вышла, и что он, сразу кинется искать? – Она фыркнула: – Да он просто не заметит! Как они жили?

– Черт их знает. Иван Денисенко, фотограф, сразу сказал, что она сбежала с любовником. Тем более она красавица, а он так себе. Да никто и внимания не обратил, мы были уве-

рены, что она вернется. Леша даже хотел навести справки, но на другой день нашли женщину в парке, и он отвлекся. Потом напросился в гости к этому бизнесмену и стал свидетелем, как тот говорил с кем-то по телефону. Леша сразу заподозрил, что требовали выкуп. Тем более его супруги нигде не было видно, а Добродеев втайне надеялся, что она покажется.

– Вот и мотив, – сказал Жорик. – А то сразу секта, сатанисты! Все гораздо проще. Деньги!

– А первая жертва тоже богатая? – спросила Анжелика.

– Нет. Первая – приезжая, продавщица из Березового. Выехала из дома четырнадцатого днем, вечером ее, видимо, встретили на нашем автовокзале. А пятнадцатого нашли... в парке. Тот же знак на лице, волосы...

– Значит, не выкуп, – подвела итог Анжелика. – С нее нечего брать. И со второй тоже не выкуп. Если выкуп, зачем убивать и рисовать знаки. Твой Леша ошибся, деньги ни при чем. Слышишь, Жорик? Ни при чем! А что за мужик этот бизнесмен? Если меня, к примеру, убьют, то это Жорик! Слышишь, Олежка? Так и знай.

– За что? – спросил Монах.

– Ой, да мало ли! Железки из кладовки выкинула!

– А ты не выкидай, – сказал Жорик. – И вообще, может, хватит о страшилках? Сколько можно? В кои веки собрались... Не о том говорим. Предлагаю еще по котлетке и принять за дружбу!

Предложение не вызвало возражений, и Жорик потянулся за бутылкой...

Глава 8

Интересное кино

*Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь...
А. Ахматова. А ты думал – я тоже такая...*

Монах добрался домой около одиннадцати вечера. Голова шла кругом, после общения с семейством Жорика он чувствовал себя уставшим и мечтал о своем безразмерном диване: представлял, как стащит дубленку и сапоги, достанет из холодильника бутылку минеральной и всю выпьет. Целый литр! А потом завалится до утра. Много ли человеку надо для счастья? Если подумать, не много. Базовые вещи, хлеб, вино и котлеты, а все остальное шелуха. Ну, еще зубы почистить.

Но человек предполагает, а судьба располагает. Не успел Монах достать литровую бутылку из холодильника и открыть крышку, как в дверь позвонили. Он от неожиданности облился ледяной водой и чертыхнулся. Часы показывали половину двенадцатого. Монах замер, надеясь, что проблема сама собой рассосется и, возможно, ему показалось. Звонок повторился, и он пошел в прихожую, бормоча: «Ну, Лео, те-

перь точно убью!»

Откуда он знал, что звонит Добродеев? А больше некому. Причем уже не в первый раз. Кроме того, читатель, надеюсь, не забыл, что Монах волхв?

Дверь распахнулась, в прихожую влетел разгоряченный Добродеев и выкрикнул:

– Еле сбежал! Он же пьет как ломовая лошадь!

– Фотки дал?

– Дал! После двух литров водки! Три часа сидели, пока Митрич не закрылся. Едва затолкал в такси... Скотина! Кофе дашь? И воды.

Как читатель, возможно, уже догадался, речь шла о дипломированном фотографe Иване Денисенко, у которого Добродеев выдурил фотки из ресторана.

Журналист отхлебывал поочередно кофе из чашки и воду из стакана. Монах с лупой рассматривал яркие фотографии живой Маргариты Бражник среди толпы в «Английском клубе» и мертвой – на бурой траве с латками грязного снега. На тех и других она была в красном платье и красных туфлях – на этом сходство кончалось. На последних не было ни пышных волос, ни яркости, ни живости – бледное заострившееся лицо, неровно остриженные волосы, безвольно разбросанные руки...

– Интересная женщина... прекрасные волосы... Он не снял украшения... серьги, кулон... – приговаривал Монах. – Почерк?

– Если он потребовал выкуп, непонятно, почему убил, – сказал Добродеев.

– Насчет выкупа неизвестно, ты мог неправильно все понять... мало ли, кто ему звонил.

– Я правильно все понял! Мой инсайд подтвердил, что у него требовали выкуп. Он не написал заявление об исчезновении, так как они выставили условие, чтобы без полиции. Он снял деньги, но передать не успел.

– Именно это и непонятно! – воскликнул Монах. – Им бы придержать ее еще на денек, но нет, припекло бросить тело там, где его сразу же нашли... там полно джоггеров и собачников. Анжелика считает: деньги для отвода глаз, действует секта сатанистов, потому что киднепперы не рисуют знаки и не стригут волосы. Или деньги, или секта, а в нашем случае и то, и другое, суть перебор. Возможно, супруг, хотя каким образом, непонятно. Она сказала, что если ее убьют, то убийца Жорик. Видео достал? Успел?

– Успел в последнюю минуту! Выхожу из «Клуба», смотрю, летит черная тачка майора! – Добродеев захихикал.

– С сиреной и мигалкой, – фыркнул Монах. – Давай!

Добродеев достал из портфеля планшет, вставил флешку.

– Это с разных камер, ассорти, – объяснил он.

Изображение было нечетким, черно-серым, но фигуры вполне узнаваемы: Бражник с Маргаритой, режиссер Вербицкий с косой вдоль спины, мельтешащий тут и там Добродеев. Вот Маргарита идет к выходу, исчезает. Бражник с

двумя полными бокалами растерянно оглядывается. Две-три секунды ряби, и кино возобновилось. Маргарита идет по пустому коридору к лифту, останавливается, нажимает кнопку, стоит, ждет. Заходит в кабину и снова исчезает. Рябь, и пошла запись с камеры в вестибюле. Маргарита выходит из лифта и скрывается за углом. Там раздевалка, говорит Добродеев. Она появляется снова, уже в шубе, и направляется к выходу. Служитель в ливрее открывает перед ней дверь, и она выходит на улицу. Знакомая рябь, и новый отрывок. Маргарита видна со спины, она идет по улице в сторону Мегацентра. Навстречу ей идут прохожие, видны автомобильные фары, горит уличный фонарь... Через пару секунд запись обрывается. Рябь и полосы. Все.

Долгую минуту они сидят молча.

– А ну-ка последние кадры, Лео! Похоже, она кого-то увидела и замедлила шаг... Кто-то шел навстречу, – говорит Монах, и они смотрят кино еще раз.

– Ничего не видно, – говорит Добродеев. – Не похоже, что замедлила. Просто люди идут по улице. На нее никто не смотрит, все двигаются в одном темпе, не похоже...

– Во всяком случае, ясно, что она ушла по доброй воле, – говорит Монах. – Никто ее не умыкал.

– Может, позже?

– Все может быть. Интересно, куда она идет? Вряд ли домой, скорее всего, у нее встреча. И что бы это значило? Весь мой опыт говорит, что женщины так просто не уходят. Если

насовсем, то собирают чемоданы и вызывают такси. А тут с одной сумочкой... Как она собиралась объяснить Бражнику, куда исчезла? Стало плохо и вышла подышать? Или не собиралась возвращаться?

– Может, ее выкрали по дороге, – предположил Добродеев. – Если она шла к кому-то, то почему спустя три дня оказалась на пляже? Это был свой, Христофорыч, может, друг... или любовник.

– Может, Лео. Может, она заодно с умыкателем решила разжиться выкупом, но что-то пошло не так. Хотя не похоже, она не прячется, хотя не может не знать про видеокамеры... Не вижу логики.

– Женщины и логика! – фыркает Добродеев.

– Пока ясно одно, – подводит итог Монах. – Она почему-то ушла без объяснений и пропала. А через три дня ее нашли. Анжелика спросила, как они жили. Можешь узнать?

– Ты думаешь... что?

– Чем шире сеть, тем больше улов. Бражник немолод – пятьдесят, не меньше, внешний вид... так себе. Маргарите около тридцати, красавица... была. Значит, у него не первый брак. Вряд ли любовь с ее стороны, это понятно. То, что она ушла, тоже можно понять... с натяжкой. А вот что случилось дальше – *темна вода во облацех*. У них дети есть?

– Нет.

– Почему?

– Надо было спросить? Он просто сказал, что детей нет и

внуков тоже. А у тебя почему нет?

– Что мы можем знать о наших детях, – философски ответил Монах.

– Думаешь, у нее был любовник?

Монах пожал плечами:

– У красивой женщины всегда есть любовник. А у очень красивой в придачу еще и тайны.

– Что еще сказала Анжелика?

– Эти убийства носят гендерный характер.

– Чего?!

– В смысле, противостояние женщины и мужчины, антагонизм и зависть мелкого мужчины к преуспевающей и сильной женщине... как-то так. Или все-таки секта, она еще не определилась. Секта неудачников с личным мотивом. Но однозначно, говорит, не ради выкупа.

– И что это все значит? – недоуменно спросил Добродеев. – Где логика?

Монах пожал плечами. «Женщина!» – было написано на его лице...

Глава 9

А что безутешный супруг?

Бражник переступил порог небольшого кафе с названием, от которого веяло средиземноморским бризом – «Паста-ба-ста». День был серый и зябкий, с реки налетала промозглая сырость. Он не мог оставаться дома, где все напоминало о Маргарите. Ему было беспокойно; он перестал спать; время от времени накатывала паника, с которой было все трудней справляться.

Эмма пыталась выразить заботу, привозила продукты, рассказывала городские новости, что-то про черного монаха... Он не вслушивался, с трудом заставляя себя отвечать. Он рассчитал домработницу – не хотел видеть ее соблезную любопытную физиономию, прекрасно помня, как трепетно она относилась к Маргарите, доносила и наушничала, подслушивала во время их ссор. Дал денег, чтобы не болтала лишнего. Эмма, сильная, жесткая, подставляющая плечо, соратник... Он и ее не мог видеть, она была неприятна своей застывшей неулыбчивой физиономией, внушавшей ему робость... даже страх. Он старался не вспоминать, как пришел к ней ночью, после бутылки водки, в состоянии полнейшего раздрызга, жаловался на Маргариту, кажется, плакал. Очнулся под утро в ее постели и долго не мог сообра-

зять, где находится. Бежал оттуда сломя голову, сославшись на какие-то дела, совершенно забыв, что она знает о его делах всё. Даже кофе не стал пить. Потом снова заскочил на огонек, чего не мог простить себе... Ненужно, недужно...

Эмма готовила нехитрую еду, накрывала на стол, он неохотно ел. И пил. Каждый день выпивал бутылку водки, после чего тащился в спальню и падал на кровать. Он не мог заставить себя подняться утром, лежал в широкой супружеской постели, прислушивался – ему чудились легкие шаги Маргариты в коридоре, и он покрывался холодным потом. В последнее время она ночевала в другой спальне, он понимал, что она задумала бросить его и только выжидает удобного момента. Дела шли все хуже, и он собирался продать остатки бизнеса и начать с нуля. Однажды Эмма сказала, что видела Маргариту с мужчиной, и он понял, что их развод лишь дело времени. Терять ее он не хотел, она была его вещью, игрушкой, вызывающей зависть и восхищение у окружающих самцов. Он гордился женой, как хозяин конюшни – породистой кобылой; он вытащил ее из грязи, из жалкого шалмана и считал, что заслужил преданность и благодарность. Любил ли он Маргариту? А что такое любовь? У каждого она своя. Любил, наверное, хотя ни в чем себе не отказывал. У него были женщины, так он самоутверждался...

А теперь Маргариты больше нет. Она не вернется. Ушла, как и собиралась. Он вспоминал жену, ее голос, руки, волосы... В висках стучали молоточки, выбивая мелодию-во-

прос: а что теперь? Теперь, теперь, теперь...

Маргарита была его третьей законной... Первый брак распался через год – чешка Мария, журналистка из Градца Кралоуе, была красивой, умной, яркой и сразу ему понравилась. Дело было в ресторане, она в компании коллег, шумных и крикливых, что-то там отмечала. Они встретились глазами раз, другой, и он понял, что она кокетничает с ним. Ему везло с женщинами – было в нем что-то, видимо, привлекательное. Он дождался ее у ресторана, заговорил, пошел провожать. Они поженились через три недели. Проблемы начались почти сразу: Мария оказалась слишком независимой, кроме того, мешали ее частые командировки и шумная братия, которая могла ввалиться в их дом в любое время дня и ночи. С ним были вежливы, хлопали по плечу и называли Витошем, но своим для них он так и не стал, да и не стремился. Работу Мария бросать не собиралась, на его намеки и подходы отрезала: нет! А потом ему показалось, что у нее кто-то появился – нравы в их среде были свободными. Они поскандалили... А потом она собрала вещи и съехала. Освободила помещение, оставив в нем неприятное ощущение проигрыша. Он зализывал раны около года, пока не встретил Ольгу, учительницу немецкого – уже в Берлине, куда переехал из Чехии. Они встречались полгода, и он сделал ей предложение. Она натаскивала его по немецкой грамматике, была собранна, деловита и поразительно красива. Немка из Казахстана, она была воплощением классической немецкой жен-

щины – белокурая, голубоглазая, работающая и серьезная, и он удивлялся, каким образом ее семье удалось на протяжении семидесяти лет сохранить чистоту породы. Иногда ему приходило в голову, что Ольга и Эмма похожи – не внешне, а характерами. Возможно, этим объяснялось то, что он потянулся к Эмме. Ностальгия, должно быть.

Жизнь с Ольгой была упорядочена, пресна и предсказуема. Работа, разговоры о работе и карьере, секс три раза в неделю, такой же пресный и предсказуемый, воскресные обеды с ее родителями и разговорами о работе, карьере и внуках... Ах, когда же вы нам подарите беби? А также воспоминания о жизни в Казахстане.

А потом он увидел Маргариту – шумную, яркую, острую на язык. Она пела в «Адмирале», где он ужинал с деловым партнером...

Маргарита... Ох, Маргарита! Это было как ожог, удар молнии...

...Следователь выпрашивал подробности их семейной жизни. Интересовался, не была ли Маргарита верующей – их озадачил знак на ее лице. У нас здесь никого нет, повторял он. Я уехал отсюда мальчишкой, больше двадцати лет назад, никого уже не осталось. Маргарита почти не выходила, она домоседка; мы вели уединенный образ жизни. Шофер, секретарша, домработница. Иногда ссорились, не без этого. Почему она ушла? Не знаю! Теряюсь в догадках...

Маргариты нет, есть Эмма. Преданная, любящая, сорат-

ник, жилетка, плечо... Он с содроганием вспоминал, как проснулся в ее постели – бесцветное лицо, волосы, губы, глаза, – и его передергивало. Она смотрела на него, и казалось, видит его насквозь. Умная! Такой только попадись – не сморгнет, перекусит пополам. Из бедной семьи, больная мать, пьющие отец и старший брат, гулена-сестра, безысходность и беспросветность, и она – жесткая, сильная, карабкающаяся к свету, идущая по головам. Не дай бог такого врага!

Начать с чистого листа. Убраться из этого проклятого города – ему никогда здесь не везло. Налегке. Расплатиться с долгами. Расплатиться? Он хмыкнул. А кто предъявит счет?

Его бил озноб: простыл, должно быть. В кафе было тепло; пахло кофе, почти беззвучно работала плазма на стене – яркие пятна, танцующие люди, солнце, песчаные пляжи и море. Ослепительный контраст с дождливым днем. К нему подошла молоденькая девушка, приветливо улыбнулась... Они все здесь молодые, улыбчивые... Лиза тоже была улыбчивая. Ее звали Лизой, ту девушку. Тоненькая, высокая, с короткими светлыми волосами, трогательной тонкой шеей... Спросить о ней? Он не знал, не понимал себя. Лиза – короткий роман, как вспышка. Ласковая девочка... еще летом. Он чувствовал себя таким значительным, таким умудренным рядом с ней, таким снисходительным. От их отношений осталось чувство праздника – он невольно улыбался, вспоминая о ней. Она ни о чем не спрашивала, он ничего не обещал. Иногда представлял, что они вместе... и сказка сразу конча-

лась. Слишком юная, слишком наивная, слишком заглядывающая в глаза... Девочка. Как скоро она надоеет ему? Поэтому и прекратил отношения. А сейчас вдруг потянуло...

Он заказал кофе. Лизы, видимо, нет сегодня. Она всегда в зале. Он помнил, как она вспыхивала, когда он входил. Она сразу понравилась ему. Он наблюдал за ней. Они встречались взглядами, она улыбалась, и он улыбался в ответ. Он пришел еще раз и еще. Потом спросил, как ее зовут. Она жарко вспыхнула... скулами, щеками... даже шеей! И уши заалели. Лиза. Елизавета. Несовременное имя, такое же, как она сама...

А потом у нее был день рождения, двадцать пятого августа, и он напросился в гости, не зная хорошенько, зачем ему это нужно. Впрочем, нет, знал! Он прекрасно все знал. Внутри уже били нетерпеливые молоточки, и он представлял ее смущение, неловкость, покорность... что он скажет, как разделет ее... как они будут пить шампанское в постели... Маргарита любила шампанское в постели, хохотала и увертывалась... в самом начале. К его удивлению, она оказалась холодной, и медовый месяц быстро закончился. Он из шкуры лез, чтобы оживить ее, встряхнуть, произвести впечатление, даже вызвать ревность... Он бы ни за что не признался себе, что Лиза такая же попытка. Маргарита о ней не узнает, но он-то будет помнить!

Не только это, конечно. Его тянуло к ней, бросало в жар при мысли об этой девочке. Он принес громадный букет

красных роз и подарок – золотую подвеску, ангелочка с крыльями. Ради любопытства прочитал про Дев в Интернете... чтобы было о чем поговорить: *«чувствительные, надежные, зависимые»*. Именно такой он ее себе и представлял. Надежная и зависимая! Девочка-вьюнок. *«Им чуждо кокетство»*. Пожалуй, хотя он еще не встречал женщины, которой было бы чуждо кокетство. Разве что Эмма... Ну, Эмма особый случай. *«Хорошо разбираются в людях, их сложно обмануть или ввести в заблуждение»*. Неправда! Может, старая Дева и разбирается, но не юная! Юная Дева доброжелательна, доверчива, обмануть ее ничего не стоит, она сама идет навстречу. Наивна и глуповата.

Он не собирался ее обманывать, ничего не обещал. Так, проходил мимо и приласкал, как котенка...

Все произошло примерно так, как он себе и представлял. Он забежал в гости еще несколько раз... В последний раз Лиза плакала, спрашивала, что теперь с ними будет, а ему было скучно. Он успокаивал ее, невнятно намекал на совместное будущее, понимая, что больше не придет...

А потом... умерла Маргарита, и он остался один. С Эммой, соратницей и сподвижницей, холодной, как рыба, возмнившей, что они теперь вместе. И тогда он вспомнил о Лизе...

Глава 10

Прогулка в глубинку

*В деревне барышня стыдливо,
Как ландыш майский, расцвела,
Свежа, застенчива, красива,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.